ФАНТАСТИКА

МЕДИА КНИГА

ВАДИМ ДЕНИСОВ

ДАУНШИФТЕР

Вадим Денисов

Дауншифтер

«МедиаКнига»

2018

Денисов В. В.

Дауншифтер / В. В. Денисов — «МедиаКнига», 2018

В 1908 году над Тунгусской тайгой, в междуречье Нижней и Подкаменной Тунгусок, чуть севернее небольшой фактории Ванавара взорвался неизвестный космический объект, который принято считать метеоритом. Тайна его до сих пор не разгадана. Первая научная экспедиция профессора Леонида Алексеевича Кулика отправилась к месту катастрофы лишь через девятнадцать лет. Прошло более сотни лет, и космический феномен повторился с локализацией примерно в том же месте, однако на этот раз ответы на многочисленные вопросы были найдены достаточно быстро.

© Денисов В. В., 2018
© МедиаКнига, 2018

Содержание

Глава первая. Специфика поселкового досуга 6
Глава вторая. Гром над тайгой 15
Глава третья. В столице глухомани 25
Глава четвёртая. Происшествие на Людоеде 34
Глава пятая. В зимовье полтора месяца спустя 44
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Вадим Денисов
Дауншифтер

Дауншифтинг – в переводе с английского «переключение на низшую передачу». Социальное явление целенаправленного осознанного спуска по социальной иерархии, отказ от чужих целей и последующая жизнь для себя. Дауншифтер осознает иллюзорность навязываемых целей, понимает, что чем больше материальных благ приобретается, тем больше хочется. И дело не столько в статусе и богатстве, сколько в цене, которую за них приходится платить в обществе: стрессы, болезни, отсутствие свободного времени, семейные конфликты и т. д. Сознательно отказываясь от статуса и погони за деньгами, дауншифтер получает внутреннее удовлетворение, возможность заниматься любимым делом, жить так, как хочется.

Глава первая. Специфика поселкового досуга

Драка назревала вне расписания.

Весь сегодняшний день события опережали график. Я даже злиться начал раньше обычного – после того, как с утра навестил единственный в Каменных Крестах промтоварный магазин «Мастерок». В нашем относительно молодом поселении, построенном на берегу затерянной в таёжном безбрежии реки Таймуры, вообще не очень богато с магазинами. Пришел и уперся носом в закрытые двери. Выяснилось, что Азрак Галиакбаров, хозяин и по совместительству единственный продавец «Мастерка», никого не предупредив, удрал по делам то ли в посёлок городского типа Северо-Енисейский, то ли в Бор.

По идее, в моем распоряжении должно остаться целых полчаса, чего вполне достаточно для завершения очередной интересной беседы из разряда «писатель познаёт жизнь глубинки». Но что-то пошло не так. Судя по всему, придется покинуть «Котлетную» раньше обычного и передислоцироваться в пафосный по провинциальным меркам «Макао».

Десять минут даю. И битва начнется.

Я лениво покатал вилкой знаменитую котлету, потом загнал её в ядреную густую горчицу, поморщился и опять посмотрел налево, где через два столика от моего и назревал конфликт. Вахтовики гудели всё громче, решительней, вот один из них уже толкнул ладонью другого в грудь. Пока только ладонью, но кулаки будут. Чёрт, не учел я, что у них очередная смена. Работники вахт – народ занятой. Вкалывают как черти, по посёлку не болтаются, обретаясь исключительно в местах производства работ, и на все законтрактованное время у них введён строгий сухой закон. А вот по завершению вахты… Очередная вертушка, предназначенная для вывоза на материк именно этой партии трудяг, прибудет только завтра, первую часть выплат – как они по-модному говорят, первый транш – ребяткам уже перевели, отчего бы и не погудеть в «Котлетной»? И только тут. Транш есть, а наличных почти нет, банкоматы в Крестах ещё не появились.

С вахтовиками я практически не общаюсь, хотя некоторых из них, самых опытных, знаю в лицо и даже киваю головой, встретив случайно на улице. Но основная масса – неудавшиеся искатели приключений и длинного рубля, социальные экспериментаторы. Съездит такой один разок на прииск или рудник, проливает трудовой пот, быстро понимает всё нужное ему лично и после вахты никогда не возвращается, предпочитая описывать пережитые кошмары в социальных сетях. Никчемный народец. Вздохнув, я выгнал котлету из зеленого болота и посмотрел на наручные часы.

– Что, не будешь есть? – без всякой жадности, но чисто из чувства инстинктивной бережливости поинтересовался стоявший за круглым столиком напротив меня Гумоз.

– Забирай, действительно, что-то неохота мясного… Я лучше в «Макао» какой-нибудь рыбки возьму.

– У вас, богатых, свои причуды, – проворчал собеседник.

– Нет, действительно, не выкидывать же, давай тарелку, переложу, – настоял я.

Не тот человек Гумоз, чтобы торопливо подачку хватать. А вот если я ему сам предложу – снизойдет. Остывшая говяжья котлета перекатилась в соседнюю ёмкость, глубокая тарелочка отодвинулась, а визави, уже примеряясь весьма изношенным зубным набором, не преминул едко заметить:

– Думаешь, Ринатовна выкинет? Ну-ну.

Гумоз – личность примечательная, даже знаменитая. Он идейный бич, заслуженный ветеран северов. Человек, свободный от обязательств перед обществом. Ему искренне нравится такой образ жизни, и он ничего не хочет в нём менять. И вот тут у нас с ним много общего. Ведь он тоже в своём роде дауншифтер.

Росту в нем что-то около метра восьмидесяти, но из-за легкой сутулости Гумоз кажется чуть ниже. Средней длины волосы отливают тускло-коричневатым с сединой цветом, ресницы – таким же, но ещё более светлые. Для своих лет он неплохо сложен и достаточно мускулист: в фигуре – ни намека на лишний жирок. Тугие длинные мышцы отчетливо выделяются под тесной серой футболкой, отчего худым Гумоз не выглядит. Эта сухощавость придаёт его облику дополнительную суровость, а порой и злобный вид. В верхнем ряду зубов дырка, рядом золотая фикса, увидеть которую сложно, верхняя губа малоподвижна даже при улыбке. Он умеет моментально превращаться из расслабленно-аморфного созерцателя в жёсткого и готового к быстрому и решительному действию хищника. Даже когда этот странный человек улыбается, то кажется, что он задумал что-то недоброе либо размышляет над какой-то опасной проблемой.

В спокойной беседе всё обстоит иначе. Он умеет слушать, как хороший журналист. Стоит ему произнести тихим хрипловатым голосом несколько ободряющих слов или рассмеяться, как неприятное впечатление тут же рассеивается. Почти всегда говорит мягким, ровным и спокойным тоном. Через полчаса беседы смотришь – сплошная кротость.

Ещё великий писатель-романтик Виктор Конецкий поведал нам, что слово «бич» происходит от английского beach – «пляж, берег». Английское выражение to be on the beach означает «разориться», буквально «находиться на берегу». Этих людей так и называли beachcomber – бродяга на побережье. Первоначально словом beach в коннотации «бездомный бродяга» называли матросов, списанных с кораблей и оставшихся без работы. В русском языке термин приобрел несколько иное значение – опустившийся человек, бродяга, систематически устраивающийся на сезонные работы, а в остальное время года не работающий вообще. Чаще всего бичей путают с бомжами – опустившимися на социальное дно людьми без определенного места жительства. Но ещё в советское время остроумными людьми был придуман забавный бэкроним «бывший интеллигентный человек», частично показывающий разницу.

Настоящий бич не опускается на самое дно, он работает, но работает не там, где придётся, а где это мало-мальски выгодно, и там, где ежовые рукавицы правоохранительных органов не очень колючи. Идейный бич ценит независимость и личную свободу, поэтому на материке бичей нет, там только бомжи. Поначалу два этих слова действительно были синонимами, но после закрытия лагерей и старта ускоренного вольного освоения Заполярья и Дальнего востока всё чаще стала заметна разница.

Ещё в 1980-х годах бичи составляли значительную часть всех сезонных рабочих в рыболовном промысле, геологии, строительстве на далеких точках и на лесоповале. Но сейчас, как утверждает сам Гумоз, настоящих бичей не осталось даже на далеком заполярном Диксоне. В общем, «сейчас таких не делают». Я верю эксперту вопроса, человеку, который не просто бич, а бич по всем старым понятиям. Он из тех, кто, даже имея возможности, знания, умения и деньги, никогда не вернется в традиционное цивилизационное поле.

Гумоз никогда и никому не говорит своего настоящего имени, и я тут не исключение. Уверен, что некогда он получил прекрасное академическое образование. Конечно, за трудные годы многое им забыто, но с Гумозом и сейчас вполне можно обсудить тонкости «Критики чистого разума» Эммануила Канта. Знаю, что он куда-то перечисляет почти весь свой заработок, как-то проболтался. А имя… Что мне даст заявленное имя, если неизвестно, сколько документов он поменял за свою жизнь?

Многие люди со временем осознают, что занимаются не своим делом. Некоторые начинают что-то менять, как я, поменявший в последние годы очень многое. Кто-то раз за разом ошибается и продолжает поиск долгие годы, другие же быстро ломаются, смирившись с судьбой. А иной с детства понимал, кем станет в будущем. Редкая история. Так вот, Гумоз настолько цельный в своём образе мужик, что он, как мне кажется, уже в молодые годы почувствовал нужную ему степень свободы и осознанно шёл к такой жизни.

В общем, моего собеседника зовут Гумоз, а я – Никита Бекетов. Мы находимся в правильном заведении и гоняем балду.

Вахтовики галдели всё громче, в спёртом воздухе тесного помещения практически без окон и с неважнецкой вентиляцией летали матерные ругательства. Народ в заведении это терпел, хоть и поглядывая на будущих дебоширов с явным неудовольствием, однако не спеша вмешиваться. Процедура известная, всё пойдёт своим чередом.

«Котлетная» – заведение с традициями. Новому владельцу категорически не понравилось это название, показавшееся ему неблагозвучным. Тем более что местный люд рифмованно обзывал эту распивочную «Миньетной», что, впрочем, можно объяснить только несбывшимися мужскими фантазиями. Я сам не видел и слышать не слышал, чтобы заведение посетила хотя бы одна женщина, не бывает такого. Поселковые дамы если и ходят в кабак, то однозначно выбирают вполне приличный ресторанчик «Макао», высокое крыльцо которого находится всего в паре десятков метров от полуподвальной «Котлетной». Правда, с другой стороны длинного двухэтажного дома. Итак, нынешняя хозяйка приняла волевое решение и назвала заведение красиво – «Закусочная». Но не тут-то было, народ оказался памятлив и упрям! Завсегдатаи объявили названию решительный бойкот, и даже немногочисленные в посёлке официальные лица продолжали называть кабак по-старому. Тем более что и ассортимент ничуть не изменился.

Тут есть свой шарм и даже некий романтический флёр. Мне нравится эта узкая полочка по периметру, усиленная дюралевым уголком, на которую удобно ставить пустые стаканы, три огромные старинные люстры из латуни, нравятся эти картины в затейливых багетах с видами Енисейска, выполненные самоучками в наивной манере. Этот вечный запах непрерывно жарящихся котлет, всегда свежий ржаной хлеб местной пекарни, эстрадная музыка шестидесятых годов, безупречно ледяная водка и тихий гул голосов. Вот только всё хорошо в меру… Сюда я захожу раза три за один визит в посёлок, то есть примерно восемнадцать раз за год. Этого более чем достаточно.

Гвалт и мат по соседству ничуть не смущали и Гумоза, он даже не глядел в сторону намечающегося буйства. Ведь только неопытные вахтовики не знают, что с ними будет дальше. Все остальные в курсе.

– Так вот, значится, о дорогах наших скорбных… – продолжил он прерванный шумом неспешный разговор по душам, – о путях людских грешных, чаще всего они именно таковы. Вот ты, следуя своим ходом, много ли обращаешь внимания на тропинки тех, кто ниже тебя в заположняках? В статусе.

– Честно говоря, вообще не задумывался, – быстро признался я. – Безразлично. Однако, вроде бы вообще никому не мешаю, дорогу не перехожу.

– Врёшь, паря! Сам себе глаза отводишь, – убежденно заявил он. – Ещё как мешаешь. Постоянно, как и все смертные, ты пересекаешь чужую тропку, просто не замечаешь с высоты, не думаешь. А вот когда твой личный ход кто-то режет наискосок да поперёк, то видишь сразу, возмущаешься, глотку рвёшь! Человечишка, он такой, слаб на самокритику. И часто не способен правильно оценить ту жёрдочку, на которой сидит по жизни. Расскажу тебе такую вот коротенькую историю…

– А валяй! – решил я, ещё раз бросив взгляд на запястье, успею эвакуироваться.

– Значит, так. Дело было под Дудинкой, полярной ночью. Я тогда с парнями машины гонял по зимнику, на Купол да на Пелядку. Это газовые промыслы Норникеля. У меня же есть все категории, кроме автобусной.

Я изумлённо покачал головой.

– А что, разве не говорил? – словно удивился и он, хотя точно не сообщал, у меня все ходы записаны.

– Нет. А чего же сейчас не шоферишь?

– Два года назад откатал на руднике всю зиму, но быстро надоело. Понимаешь, слишком много времени жизни и нервической силы в водительстве сгорает. А пока всё больше по ремонту, по любой технике могу. Отдохну, и обратно на прииск, или учителем литературы в школу! Не веришь? – щербато улыбнулся Гумоз.

– Пожалуй, поверю… Извини, перебил.

– Ну, за своевременность пауз! – поднял он классический гранёный стакан, из тех, которые называют «мухинскими».

– Поддерживаю!

Моя норма в этом богоугодном заведении, как говаривает относительно подобных развратных мест один мой друг из далёкой Прибалтики, сто пятьдесят беленькой. Она тут без палева, в отличие от коньяка, прошли лихие времена массовой потравы, народный напиток проверяют.

– Хорошо идёт под котлетку, зря не ешь, Витя, зря… опять же, калории. Короче, большая часть идёт по береговому зимнику, а немного – по льду Енисея-Батюшки. А там заструги, наледи. И мы, чтобы каждый раз не искать новый маршрут, старательно набивали путик. На путике любой проран лучше видно, машинам легче, это понятно. И вот, как-то раз обнаружили новую полынью, большую. Пришлось набивать новый, чуть в стороне. Едем себе по новому, значится, ночь полярная, кроме фар колонны – ни огонька. И вдруг видим – олени сбоку стоят, с дюжину! Замерли! Потому что мы им новым путиком привычную тропу через протоку перерезали. А северный олень, надо сказать, зверь туповатый, ему всё новое разъяснить нужно, понять, ближе подойти. Башка у него слабая, разъясняет долго. Стрелять не стали, поржали по рациям, да и поехали дальше, пусть себе тупят, нам-то какое дело…

Он глотнул и закусил ещё раз, вздрогнул с удовольствием и продолжил рассказ:

– А когда через четыре дня возвращались, то увидели почти в этом же месте лютый беспредел! Сухогруз ледового класса, принадлежащий Норильскому комбинату, по пути в Дудинку для чего-то взял чуть левее и распахал километра три нашей новой дорожки! Матерились… Страшно вспомнить. Сроки жмут, все устали, как негры на плантации, домой хотят, а тут разруха во льдах! Что поделать, пришлось делать крюк и прямо по застругам переть дальше, ожидая, какая из машин сломается на крепком морозе первой. И через несколько часов догнали тот самый «Арктический экспресс», он у посёлка задержался, подбирал кого-то по уговору. Догнали беспредельщика четырьмя «Уралами» и пошли параллельным курсом, сигналя, мигая и вызывая по рации.

– Справедливости искали?

– Уж очень хотелось капитану харю начистить, – значительно кивнул Гумоз. – Наконец, на мостике показался сам кэп с уоки-токи в руке. Наш старший колонны орёт ему, дескать, какого лешего ты, лось мурманский, наш путик порушил? Мы его били-набивали, трудились… Ты что, один на реке работаешь?

– А он? – вежливо поинтересовался я, уже зная примерный ответ.

– Хе-хе! Шкипер спокойно покрыл нас по матушке, вдумчиво, с оттяжкой! Говорит, пошли-ка вы к чёрту, мазута сухопутная! У меня винты висят на двадцати трёх метрах, а тут ещё вы, мелюзга, лезете со своими мелкими проблемами! Брысь с пути, олени гумозные, придавлю!

– И вы?

– Встали с выпученными глазами, словно стало рогатое. Стоим и ждём осмысления, осознаем своё место в иерархии троп и ходов. Вот такая история.

– Согласен, весьма показательно.

Сам он и своё характерное прозвище не расшифровывает. А вот использует словечко часто и охотно. Я думаю, что это производное от «гумус».

Бздынь! О! Первая тарелка пошла!

Бздынь! А вот и стакан.

Тут уж Юлия Ринатовна Мифтахова, владелица богоугодного заведения, поняла, что самое время вмешаться. Всякий, посещающий «Котлетную» системно, хорошо знает, что долго злить миниатюрную и обманчиво беззащитную хозяйку объекта общепита не нужно, это всегда повлечёт жёсткую ответочку. На первый раз она может закрыть кредит, а то и забанить, заблокировав посещение на недельку, это уже суровое наказание. Для своих. Чужим пощады не бывает в принципе.

Но пьяненькие одноразовые вахтовики, все эти неудачники с материка, так и не состоявшиеся по-настоящему мотористы промприборов и машинисты драг, операторы машин-манипуляторов и доводчики золотосодержащих руд, слесари КИП и механики по ремонту оборудования, этого не знают. Им, бездумно пропивающим сегодня первый транш, сейчас кажется, что весь мир в кармане. Надо только ночь пережить и забраться в заветный вертолет. И провести эту последнюю в ненавистных Крестах ночь нужно бурно, ярко и смело. Чтобы запомнили в этой дыре явление настоящих орлов.

Безжалостно закрыв перед носом очередного клиента кассовый ящик с выручкой, она удалилась в подсобку.

– За Бурятом пошла, приплыли парняги, – с удовольствием отметил очевидное Гумоз. – Сам поучаствовать не желаешь? Все знают, что ты хороший рукопашник.

– Нет уж, я теперь умный! – замахал я на него руками. – Мне и общество нормальных людей переносить непросто. К чему все эти разборки с участковым и с медиками, жить надо без глупостей. А в таком месте любой рукопашник может отхватить.

– И то верно, – согласился собутыльник и допил содержимое второго стакана. У него норма другая, тем более что Гумоз всегда закусывает качественно, бережёт печень, если это, конечно, можно назвать сбережением.

Дверь подсобки, а затем и калиточка прилавка отворились, и в маленьком зале появился подсобный рабочий, а по совместительству и вышибала по кличке Бурят.

Выглядел он знаменито. Ещё одна примечательная личность, из самых одиозных в Каменных Крестах, хотя насмехаются над недалеким Бурятом редко. Маленькая лысая голова с узкими глазками и каким-то по-детски удивлённым выражением лица сидела на мощнейшей пирамидальной шее, которая у подбородка была шире головы. Росту в нём от силы метр шестьдесят, зато в плечах – метр. Он из тех бойцов, которых лично мне проще перепрыгнуть, чем обойти. Никто, в том числе и сам Бурят, не знает, сколько в нём первобытной звериной силы, данной этому карапузу с рождения, генетически. Малый рост вышибалы всегда провоцировал, толкал пьяные компании на подвиг группового избиения. На эту удочку попались уже многие, и нет им конца и краю… Даже с моими метр девяносто мне в голову не придёт начать хлестаться с таким монстром. Я даже не знаю, можно ли вообще его пробить.

Вообще-то это классическая рюмочная. Советское питейное наследие, у которого нет аналогов в мире, причём даже словесных – настолько всё это нашенское. Лично я утверждение об исключительности не проверял, но верю. Рюмочная – место, где можно хлопнуть, закусить и ни с кем из присутствующих не вступать в обременительные беседы ни о чём. Рюмочную можно сравнить с колодцем в пустыне или почтовой станцией на древнем тракте. Цены – копеечные. Днем посещение такого заведения – это исполненная достоинства личная пауза в непрерывной суете и беготне – махнул и побежал дальше. Домой, в гости, в филармонию… Обстановка в таких местах всегда достаточно скромная: как правило, только высокие круглые столики со столешницами из искусственного мрамора без стульев и система самообслуживания. Главным напитком, подаваемым здесь, всегда была и будет водка. В других местах в качестве закуски прилагается бутерброд с колбасой, сыром, вареным яйцом, сельдью, килькой или шпротами.

Постепенно многие рюмочные трансформируются в рестораны или бары, утратив свой уникальный колорит. Уходит эпоха… Минимальная порция водки в «Котлетной» – полста граммов. К сотке уже полагается бутерброд или же, как в нашем варианте, маленькая котлетка с ложкой лука или зелёного горошка. Вечером посетители задерживаются, языки развязываются. Темы любые. Важная характеристика послевоенных рюмочных – всесословность, рестораны в провинции всё ещё доступным немногим. Тут обретаются военнослужащие дислоцированной неподалёку части и вернувшиеся на каникулы студенты, химики и откинувшихся со шконки уголовники, слесаря шестого разряда и геологи.

Иногда однообразие кабацкой жизни посёлка нарушается появлением нового жителя, обалдевшего от новых же реалий. Очнувшийся с перепоя, очередной «синяк» выходит к народу возле «Котлетной» с вопросом: «Где я нахожусь?» Его похлопывают по плечам и указывают вектор движения внутрь заведения. А там уж и расскажут, и на путь истинный наставят.

В последнее время всё чаще появляются клиенты нового типа. Такие приличные люди заходят сюда не за водкой, а за пивком, стоят себе, читая новости в айфоне, никого не обижают и не обращают внимания на редкие смешки в свой адрес. Они отсюда уйдут, как только в Крестах появится нормальное бюджетное кафе, но пока что посещают «Котлетную».

Однако не всё так благостно. Рассказывают, что в богоугодном заведении за время его работы случилось два убийства, три ограбления, множество мелких краж, и еженедельно случаются драки. И никто не считал, сколько здесь звучит так называемого гона – криков «убью, тварь» и других угроз подобного рода.

Клиенты бывают разные, и некоторые из них являются основной причиной, по которой внутрь заходить обычному здравомыслящему человеку лишний раз не следует. Они делятся на изначально трезвых посетителей, которые, достигнув кондиции, быстро уходят, и на постоянно пьяных, засиживающихся допоздна. К первым, как правило, претензий нет, ибо чаще всего это обыватели разных возрастов, заходящие в заведение либо за сигаретами, либо по дороге домой, что выпить норму и уйти к семье. Ко вторым относятся те, с которыми нужно держать ухо востро, и общество которых вытерпеть сложно. Такой борзый герой, как правило, врёт или действительно сидел пару годков в местах не столь отдаленных, поэтому для него размеренное и спокойное времяпрепровождение оскорбительно само по себе. Днем поведение такого человека обычное, ровное, он таскает на складе свои мешки под пинками, бурчит себе под нос, клянёт режим.

Но если вы заглянете сюда поздним вечером, то увидите, что душа его настоятельно требует приключений и особого уважения, а он, ни много ни мало, местный Аль Капоне и всех вокруг кое-где видел и вертел. Речь свою начинает с избитого стандарта: «Вечер в хату! Часик в радость, чифир в сладость, ногам ходу, голове приходу. Матушку удачу, сто тузов по сдаче».

Вот тут-то на сцену и выходит Бурят.

Не ходите в такие места с девушкой, как бы сильно вы не хотели купить пепси-колу ночью или сигареты утром, знайте, тут круглосуточный экшн-режим.

– О-па. Ну всё, я пошел.

– Пожалуй, да, настало время перемены мест. Примкну и тоже покину эту прелестную таверну. Надо бы к одному приятелю завернуть, должок забрать, – объявил в свою очередь Гумоз.

Мы вышли как раз в тот момент, когда в зале воинственно вскрикнул первый из вахтовиков, радостно отправившийся на смертный бой.

– Не пришиб бы.

– Бурят опытный. Да и Ринатовна не даст, – успокоил меня собутыльник. – Значит, ты в «Макао»? Странная традиция, что мешает накидаться здесь?

– Там я практически не пью. Чуть-чуть коньяка, горячее от приличного шеф-повара, вкусный бурундийский кофе, лёгкая музыка. Этим регламентом я охватываю весь спектр впечатлений и ощущений. Так и должен поступать каждый русский писатель.

– И публика другая, да? – с неожиданной горечью бросил Гумоз.

Я даже несколько растерялся, услышав в голосе собутыльника столь необычные для него нотки, но он тут же вывел меня из ступора, продолжив еще более неожиданно:

– Никита, тебе пистолет нужен?

Ни хрена себе! Остановился.

– Ты что, Гумоз, новый бизнес поднял?

– Не, просто кто-то ломанул партию малую, несколько штук бродит возле посёлка… Могу поспособствовать. – Сейчас он был необыкновенно серьёзен, собран и, складывалось такое впечатление, преисполнен торжественности, будто собирался в ближайшие минуты посвятить меня в рыцари.

А ведь Гумоз не кинет и не подставит.

– Что за ствол хоть? Наган, поди?

Он хорошенько огляделся по сторонам, даже за угол заглянуть не поленился, убеждаясь в том, что здесь даже случайной никто не услышит, и только тогда ответил:

– Пистолет ТТ, тульский Токарева. И две полные обоймы, патронов мало. Но добыть можно. Со временем, есть подвязки у кое-каких людей.

– Раритет… Эти кое-какие забрались на склады длительного хранения?

– Ты же знаешь, Никита, я лишних вопросов не задаю, да и тебе не советую. Так что скажешь, Бекетов? Муха не сидела, даже консервация полностью не удалена. Все железно, без гумоза.

С ответом я замешкался.

В тайге хватает нелегального оружия. Чаще всего это якобы утерянные или утопленные во время рыбалки ружья. Не скажу, что таких единиц на душу населения Эвенкии много, но они есть. Нельзя жить в дикой местности без огнестрельного оружия, это противоестественно, да и опасно. Чаще всего люди нормально оформляют свои стволы, однако есть такие, кто либо не желает этим озаботиться, либо по тем или иным причинам-обстоятельствам не имеет законной возможности приобрести ружьё или карабин легально. Например, отсидка за спиной, или проблемы с медицинскими справками от психиатра или нарколога – не пройти такому проверку ЛРО.

Встречается и нелегальное армейское оружие, оставшееся порой ещё с Гражданской. Именно такой революционный наган имеется у Гумоза, показывал. Меня удивило, что револьвер был в отличном состоянии. Впрочем, что только не находят таёжники в схронах, оставшихся со времен партизанской войны против колчаковцев. Но чтобы ТТ…

Смутные терзания захватили душу, в голове закипела внутренняя борьба чистого разума с греховным искушением.

– А нужно? Вроде бы уже есть у меня хороший ствол… Комбинированный «Sauer-3000», два гладких ствола 12/70, а нарезной в калибре. 30–06. Юбилейный дриллинг, к пятидесятилетию фирмы, с рук брал у хорошего человека. Прицел панкратический, «Nikon MONARCH 1-4×24», на единичке мушку в прицел видно, навскидку – без проблем. Сведение стволов просто замечательное, когда оптику пристреливал, то офигел. Кучность такая, что хоть на турнир езжай… А уж на охоте – рябчика до лося. Медведя пока не стрелял.

Эту длинную фразу я почему-то закончил совершенно неуместным в данном контексте аргументом. Растерялся!

– Сам выбирал? – насмешливо поинтересовался он.

– Я же не охотник, больше рыбалку уважаю. По совету друзей брал, всё чётко.

– Скажи мне, кто твои друзья…

– Ой, да ладно! Насмотрелся я на ваш таёжный снобизм, который ничуть не уступает московскому.

– А патроны такие где брать будешь? Или загодя цинк прибрал?

Я не ответил, подумав о другом. Ведь он точно не сдаст, нет тут подставы. Гумоз может легко соврать в мелочах, взять в долг немного денег и забыть вернуть. Он никогда не проявит инициативу в оплате скоротечной совместной попойки, предпочитая угощаться исключительно за мой счёт. Может опоздать, а появившись, намутить лишнего в дурацких оправданиях. В серьёзном же деле Гумоз не подставит, и обусловлено это, вероятней всего, той самой странной общностью душ.

Этот бич-ветеран, ровно как и я, с годами стал весьма хреновенько переносить общество других людей. А со мной он поладил, и выпить ему нравится, и поговорить можно о чём угодно. Впрочем, это взаимное.

– Ствол как ствол. Может, и пафосный. Но зато с таким точно можно обороняться от мамонта.

– Крестовские сказали бы по-другому – охотиться на мамонта… Такую пушку постоянно при себе носить ты не будешь, тяжёловато придётся, – усмехнулся в полумраке змей-искуситель. – Тем более, если не охотник. А тут при случае и на пояс повесить можно, скрытно. Разные вещи.

– Тяжеленькое, это есть. Так ведь калибр.30–06 и лягается прилично, с оптикой оно под четыре с половиной килограмма будет, так что даже хорошо, что увесистое.

– Ну, ведь понимаешь, о чём говорю.

– Понимаю. Гадство, да ты просто совратитель! Давай, так: я подумаю. Серьёзная тема, согласись, тут с кондачка нельзя.

– Думать оно всегда полезно, спору нет. Ты, мил человек, про живорезов последние новости слышал?

– Что-то уловил краем, тётки в магазине болтали, но вникать не стал.

– Напрасно, случаи серьёзные.

– Очередная страшилка? Нет, я же редко в посёлке бываю.

– Трупы окрест находить начали, все порезанные, страшенное дело.

– Ох, и любите же вы, местные, страхи среди мирного населения распространять, – хмыкнул я. – Медведь очередной лютует, голодные они по весне, пищевой зелени не хватает. Мало ли таких случаев? А люди выдумывать начинают.

– Может и медведь, конечно, если у него вместо когтей финки калёные вставлены, – трагическим шепотом добавил Гумоз, приблизив голову. – Ты подумай насчёт ТТ, подумай… Я ведь не за ради презренного злата стараюсь тут перед тобой вытанцовывать, а чисто от души, во всей заботе о хорошем человеке. А то встретишь живорезов, а ствола трёхдульного при себе не окажется. Что тогда делать будешь, рукопашник? Ножиками с ними махаться – последнее дело.

Лукавил я. Слышал, конечно, о паре весьма странных инцидентов, когда окрест находили порезанных каким-то варнаком людей. Но уж точно не знаю никаких подробностей очередной поселковой байки. И знать не хочу. Поэтому и в разговоре уже привычно подчёркивал личную отстранённость от происходящего в посёлке.

– Вот зачем ты меня пугаешь?

– Да не пугаю я, просто случаи в архив покамест не списаны. Ты когда на зимовье своё, в богом забытые Глухари?

– Хотел завтра убыть, но не успел кое-чем укомплектоваться, дня через три, думаю. Сколько просят, кстати? – я умышленно сказал «просят», а не «просишь», подчёркивая, что не держу приятеля за торговца оружием.

– Десять тысяч сушёных отечественных, как родному предлагаю, паря, для тебя это сущие копейки.

– Точно, Сатана, – тихо, будто сам себе пробормотал я.

– Придумаешь тоже. Просто людям помогаю. Ну, лады, думай себе на здоровье. Если что, объявишься, ты знаешь, где моя хавира.

– Старая баня за общагой?

Гумоз кивнул, и мы расстались.

На дворе стояла обычная в этих широтах для середины мая сумеречная ночь.

Северный Полярный круг расположен хоть и далековато от широты Крестов, но влияние арктической астрономии чувствуется и здесь. Посёлок, раскинувшийся в небольшой долинке посреди тайги и с трёх сторон окруженный рекой, был погружен в сумрак. Звёзды было видно плохо, а свет горел только над козырьком входа в «Котлетную», где трое мужчин в ожидании зрелища уже вышли покурить, да в окне крошечного строения вертолётной площадки по соседству мерцал желтоватый огонек – ночной сторож наверняка смотрит по спутниковой тарелке какой-нибудь мыльный сериал.

Было тихо, луна спряталась за легкими облачками. Возле плохо заметного в сумраке гаража, принадлежащего одному из приисков, тихо дребезжал дизельный мотор грузовика – кто-то с раннего утра отправится в дальний путь.

Я обогнул здание и в полном смятении подошёл к красивой сиреневой лестнице ресторанчика «Макао». «Да уж, – подумалось мне, – здесь тусуется совсем другая публика – „обчество“, асоциальных пришлых нет». Это необычное слово в Крестах применяют не часто. И обозначает оно не социум, а интерес и уклад этого социума. «Помочь обчеству», «поперёк обчества»…

Затем уже в который раз с неудовольствием отметил прикрытый жестяной блендой зрачок видеокамеры, установленной над входом в ресторан. Такая же камера слежения висит и над «Котлетной», неужели кто-то прокручивает эти обыденные записи с одними и теми же клиентами? Дикость какая-то. В наши дни даже в глухой восточно-сибирской тайге человеку нельзя спрятаться от этого всевидящего ока, от общественного требования быть раскрытым и беспомощным под холодными чужими взглядами. Ненавижу.

На широком крыльце, возвышающемся на крепких стальных опорах, у крашеных в розовый цвет перил стояли и о чём-то спокойно беседовали двое солидных мужчин в белых брюках и рубашках. По услышанным фрагментам разговора стало понятно, что они болтают о рыбалке. Хрен вам, здесь точно такая же публика. Только видом поприличней.

Сумбурный какой-то выдался денёк. Да и вечер не лучше.

Глава вторая. Гром над тайгой

Настало время рассказать, на что же именно уставший от суеты малоизвестный писатель променял благословенную богом столицу нашей родины. Стоит пояснить, что собой представляет моя нынешняя берлога в сравнении с пятью многокомнатными московскими квартирами в центре, четыре из которых ныне более чем выгодно сдаются, а в пятой весело и комфортно, надеюсь, живёт любимая племянница-студентка.

Каменные Кресты – обычный таежный поселок, расположенный среди прибрежных сопок Эвенкии в междуречье двух Тунгусок: Северной и Подкаменной. Настоящий затерянный мир. Недалеко протекает малоизвестная река Таймура, в крутых излучинах которой во времена браконьерской вырубки скопился плывущий по реке лес, эти скопления потому и называются плавнями. Там забытые лиственницы да ели и лежат по сей день. Эвенки, коренные жители этой местности, называют эти места «мёртвой рекой», так у них повелось ещё со времён падения неподалёку знаменитого Тунгусского метеорита. Поэтому и строящийся в конце семидесятых годов прошлого столетия крошечный военный городок популярности у жителей соседних поселений не получил, не хотели люди сюда ехать, учитывая плохую репутацию места.

Никто не смог прояснить мне этимологию названия, современников, способных рассказать, как и почему посёлок получил такое необычное имя, не нашлось. Кто-то туманно говорит о неких сооружениях, якобы стоящих в окрестной тайге, другие рассказывают о характерном месте в береговых скалах. Я не один раз прошёл на лодке участок от посёлка до своего зимовья, забираясь и подальше, однако ничего похожего на крест в береговых утёсах не обнаружил.

Таёжники начали жить здесь оседло, начиная с тридцатых годов прошлого века, когда по всей Эвенкии начали организовывать новые фактории, создавать родовые и кочевые советы. Изредка властями совершались попытки придать существованию подобных ростков цивилизации более весомый экономический смысл, и каждая попытка раз за разом проваливалась. Поговаривают, что вояки с какой-то целью пытались закрепиться в другом месте, откуда позже вывезли всё подчистую, перебравшись в долину над рекой. В связи с чертовски сложной логистикой дело не заладилось как у государевых лесорубов, так и у браконьеров. Удрали они отсюда с сердитыми криками о том, что место сие аборигены тайги всё-таки недаром прозвали нехорошим.

К войсковой части от посёлка ведет двухкилометровая дорога, выложенная отличными железобетонными плитами, от которой в обе стороны уходят ответвления классических узких грунтовок, основных таёжных магистралей, которые с каждым годом всё больше зарастают кустарником, несмотря на некую обитаемость местности. Каменные Кресты строились в сплошной тайге, поэтому окружены они труднопроходимым лесом из лиственницы, ели, березы и ольхового кустарника, местами выжженного огнем локальных лесных пожаров.

Изначально основную долю населения составляли исключительно военнослужащие гарнизона и их семьи. Однако ни для кого из них посёлок не стал второй родиной, местом, где они провели бы годы военной службы, вырастив своих детей, а уезжая отсюда навсегда, с трудом удерживали бы слёзы, расставаясь с друзьями и тем служивым делом, которому была отдана лейтенантская молодость. Военные сначала построили большое антенное поле и позиции для трёх радарных установок, позже здесь появились и зенитчики. Или сама часть поменялась, неясно. Во времена функционирования военного городка там стоял тепловозный дизель ДГУ 7Д100, обеспечивающий электричеством все объекты во время боевой работы.

Но в годы перестройки всё начало рушиться, как карточный домик.

Какое-то время в этом полузаброшенном уголке где-то на краю земли жизнь ещё теплилась, пока в начале девяностых годов прошлого века вся социальная инфраструктура не исчезла в одно мгновение, большая часть домов опустела. Старожилы рассказывали, что тогда все пугающие новости с Большой земли воспринимались страшилками из фантастической параллельной реальности. Деревянный магазинчик и гарнизонный клуб крестовцы за ненадобностью разобрали на материал для заимок и просто на дрова. Не осталось ни фельдшерского пункта, ни библиотеки с клубом. За продуктами люди выбирались на большую землю или же покупали их друг у друга после возвращения кого-либо из цивилизации. Почти все беспробудно пили. В конце концов далёкое хозяйство, оказавшееся не нужным Министерству обороны, как и многие другие подобные объекты, совсем захирело. Кадрированная часть была расформирована окончательно, и городок, поставленный на консервацию, опустел.

Недавнее возрождение Каменных Крестов началось после долгого перерыва, и связано оно было с активизацией деятельности газовиков и нефтяников, к которым подключились металлурги и золотоискатели. Вскоре неподалёку зашевелилась «Славнефть», севернее со стороны Ванкора на правобережье Енисея зашла «Роснефть», а южнее давно и плодотворно работало «Полюс-золото». Примерно в середине первого десятилетия двухтысячных годов кому-то в голову пришла светлая мысль: надо оживить расположенную поблизости от марганцевого месторождения заброшенную войсковую часть, связанную с несостоявшимся гражданским посёлком типичной для таких хозяйств бетонкой из состыкованных панелей – именно её бывавшие здесь люди запомнили лучше всего. Заброшенные сооружения были капитально отремонтированы, да и новых домиков оптимисты от бизнеса понастроили достаточно быстро.

В один из периодов оживления военной активности на щедрые ассигнования Минобороны СССР были построены два двухэтажных кирпичных жилых дома с плоскими крышами из бетонных перекрытий. Это самые капитальные строения посёлка и самое престижное жильё. Однако расширения войсковой части не случилось, и один дом позднее забрал комбинат «Маргансиб», часть квартир выкупили прииски, а оставшиеся были приватизированы местными. В одном из этих домов я и живу, когда нахожусь в Крестах.

Со временем появилась большая котельная, обеспечивающая посёлок электричеством, теплом и водой, вертолётная площадка и вся необходимая инфраструктура вплоть до вершин местного урбанистического прогресса – «Макао» с «Котлетной». Предполагалось, что в Каменных Крестах будут жить управленцы и снабженцы, частично рабочие, обслуживающие прииски и месторождение. Первоначально вся социальная и коммунальная инфраструктура висела исключительно на марганцевой компании, которой принадлежал строящийся рудник и комбинат.

В самом поселке была устроена современная лесопилка, на которой наконец-то начали перерабатывать морёный лес, и большой слесарно-ремонтный цех, выполняющий заказы по изготовлению запорной арматуры для нужд месторождения и других предприятий. Начало работать подсобное хозяйство. Затем районом начали активно интересоваться сразу две золотодобывающие артели, быстро выросшие до полноценных компаний. Таким образом, в Крестах, на радость жителям, зафиксировалось аж три образующих предприятия.

Как рассказывают люди, с тех пор им зажилось очень даже неплохо, по сравнению с дальними, но всё равно соседними сёлами. Появилась стабильная работа с хорошей зарплатой, отремонтированная вертолётная площадка и грунтовка до Северо-Енисейского, по-настоящему проезжая только зимой. Нет, в целом она и летом вполне сносная, проезжая, особенно для джипов. Имеются длинные участки, где дорога представляет собой грейдер с глубокими колеями, в период распутицы они проходимы только для военной техники и внедорожников.

Места там красивые, если есть время рассматривать пейзажи – живописные подъёмы и спуски, по которым изредка ходит тяжёлая техника, лесные озерца и многочисленные ручьи. Главное – не заблудиться в густой сети заброшенных развилок и разветвлений и уж тем более

не сломаться, потому что за подмогой топать придется далеко, возвращаясь в Кресты, больше некуда. В первом рейсе меня, неопытного, угораздило рассчитать время движения так, что труднопроходимые участки я проезжал ночью, чуть не утопив машину в глубокой яме при попытке выехать из тупика, куда влез, не зная дороги.

А вообще-то, проезжих дорог в округе немного. Двадцатикилометровый отрезок хорошо укатанного грейдера ведёт к марганцевому руднику фирмы «Маргансиб», ещё две основные трассы тянутся к местам приисков. На одном из них, «Удачном», я пару раз побывал, второй – «Волчью падь» – пока не посетил, не очень-то и интересно.

Нравится здесь обжившимся людям. И мне тоже. Тихо, спокойно, далеко от суеты, всё течёт размеренно, как говорится, ровно. Опять же охота, отличная рыбалка, свежий воздух и нетронутая природа вокруг. Однако нехитрое местное счастье ковалось трудно. Компании долгое время раз за разом банкротились и перекупались, у новых талантливых менеджеров возникла мода избавляться от непрофильных активов, определяя эти самые активы, как бог на душу положит. В нулевые годы работы по марганцу в Крестах были свернуты, а вокруг золотоискателей постоянно начали крутиться суровые товарищи из Следственного комитета и прокуратуры края. Жизнь в поселке замерла. Кто смог – выехал на материк, кто-то занялся промыслами: сбором дикоросов, рыбалкой и добычей пушнины. В итоге Кресты чуть не впали в анабиоз второй раз.

Через несколько лет все невзгоды были преодолены, очередные владельцы оказались вполне адекватными людьми, умеющими мыслить на перспективу, и дело закипело. В переводе с языка аборигенов «Таймура» – богатая. И это действительно так. В тридцати семи километрах от её устья когда-то был сложнейший порог, который делал реку труднодоступной или вообще недоступной для подъёма на лодках снизу, естественная преграда надёжно охраняла рыбное и охотничье изобилие реки.

Военные люди, которым нужно было забрасывать сюда множество грузов, порог взорвали, обеспечив судоходство плавсредств с небольшой осадкой. На берегу красавицы Таймуры возникла песчано-бетонная причальная стенка со стареньким восстановленным дебаркадером. По реке начали курсировать юркие водомёты КС-100 с небольшими баржами, что летом почти свело на нет автоперевозки по северо-енисейскому зимнику. В эту навигацию сюда начнут ходить енисейские плавмагазины, но не привычные на Енисее солидные постройки Красноярского судоремонтного завода, а более мелкие. Прибытие в Кресты первого из них ожидается примерно через неделю. Я много слышал о феномене плавучих магазинов, заходящих в самые дальние уголки таёжного царства, и, конечно же, было бы интересно самому посмотреть, что это за штука. Но дожидаться не буду, надоело здесь болтаться, и так слишком задержался.

Предприятия завели себе подбазы снабжения со своими автопарками и складскими хозяйствами. И тем не менее многое из всего этого – времянки. Не все собираются вкладываться в инфраструктуру капитально, в отличие от военных, как известно, тратящих не частные, а государственные деньги. Горнодобывающее предприятие неплохо обустраивает свою поляну, но и там с долгосрочными перспективами, как я понял, пока есть некоторые неясности. А золотодобытчики, отработав существующие участки реки, снимутся и переберутся на новые перспективные места, что лично меня только обрадует.

Здесь даже дети знают, что где-то по соседству работает ещё и незаконный прииск. Знают, но никто ничего не предпринимает. Требовать от заслуженного местного участкового подвигов техасского рейнджера наивно, а службы безопасности легальных приисков, хоть и укомплектованы людьми серьёзными, не будут подменять государство и брать на себя функции Генпрокуратуры или Росгвардии.

Ну, а я уж тем более не намерен вмешиваться в сложившийся порядок и ход вещей. Ясно, что за чёрными золотоискателями стоит не менее серьёзный криминал, а таёжной войны никто не хочет. Вполне может быть, что артели даже своеобразно сотрудничают, взаимовыгодно при-

нимая от чернушников большую часть продукции и таким образом отмывая её уже в чистых финансовых потоках.

Знаменитое в определённых кругах эвенкийское поселение Ванавара на Подкаменной Тунгуске расположено к югу отсюда, до бывшей фактории примерно триста километров. Но крестовцы дорогу туда не пробили, ханжески утверждая, мол, нечего там делать, дыра дырой. В Ванавару я прилетал на Ан-24 из Красноярска ещё в те времена, когда на первой стадии проекта «Дауншифтер» тщательно выбирал место для побега из столицы. И там мне на удивление понравилось вообще всё, за исключением традиционного неизбежного появления гостей – летнего наплыва поисковых экспедиций разномастных эзотериков и уфологов, большими группами отправляющихся к месту падения Тунгусского метеорита. Это обстоятельство показалось мешающим.

А до места падения самого метеорита почти двести километров, прикидывал по электронной карте расстояние от Крестов до избы профессора Кулика, первого полевого исследователя тунгусского феномена, как некого официального ориентира.

Три года назад, как чёрт из табакерки, в посёлке снова объявилось Министерство обороны. Как шутили местные, вояки хитро решили без излишней торопливости вернуться на всё готовенькое, хотя их появлению тут обрадовались, ведь больше людей – больше жизни в Крестах. Первое время новая войсковая часть оказалась всё такой же небольшой, но очень, очень секретной, если эта таинственность вообще возможна на обжитом пятачке посреди глухой тайги, где все друг друга знают. Хотя в этом странном подразделении людей разместилось чуть больше взвода охраны. Ну, казалось бы, встали и встали, однако на этом долгие военные приключения не закончились. Год назад в главном ведомстве опять что-то внезапно, как водится, поменялось, и фатально невезучую стройку, в своё время замороженную до внедрения новых веяний и достижений, запустили на полную мощность.

Для начала служивые огородились от мира периметром с колючкой в два ряда, сделанным, как говорят, под шаговое напряжение, и полностью распланировали бульдозерами территорию сгинувшей в пучине армейских реформ войсковой части, уничтожив весь хлам, кроме чего на месте остались лишь два жилых дома и штаб. Затем они начали быстро возводить какую-то чудовищную решётчатую конструкцию. Большие автоприцепы, прозванные в народе «санта-мариями», и тяжёлые транспортные вертолёты потащили сюда ажурные модули.

И уже через год из каждой точки посёлка можно было наблюдать чудо-чудное – возвышающиеся над соснами и лиственницами огромные, с девятиэтажный дом адские «рога» – главный объект очень секретного предназначения, хотя каждый ребёнок в Каменных Крестах знает, что это излучатели. Что именно они излучают, куда и зачем, покрыто мраком военной тайны. Мощности электрогенерации были увеличены с избытком, часть энергии досталось поселению.

Памятную многим ночь, когда началась эта цепь шокирующих и даже страшных событий, я встретил предельно комфортно, возлегая на двуспальной кровати, приобретённой больше года назад. Это ложе практически не используется. Редко бываю в поселковой двухкомнатной квартире, определённой в качестве базы.

Спал, растянувшись по диагонали, как и полагается солидному одинокому мужчине, хитро высунув из-под тёплого пухового одеяла одну ногу для прохлады и поджав другую – для согрева. Все эксперименты с подушками из холофайбера и овечьей шерсти, анатомическими, гречишными и эзотерически-синтетическими изделиями давно закончены и забыты. Голову ласкало роскошное пухо-перовое изделие, купленное давеча у одной талантливой местной бабушки, поведавшей, что добытые по весне дедом-браконьером лебёдушки обладали безупречными гипоаллергенными свойствами и райской пуховитостью, как она образно выразилась. Не удержавшись, купил сразу две штуки, решив одну забрать в зимовье.

При таком образе и распорядке жизни домашнее животное в посёлке не заведёшь, поэтому мой верный кот Фёдор, наглец и пройдоха, живёт в Глухарях, присматривая за хозяйством. В общем, дрых я в категорическом одиночестве.

Спалось при открытой форточке отменно.

Прохладный таёжный воздух наполнял комнату легким ароматом близкого соснового бора и чистой реки, а суетная дневная беготня помогала крепкому сну. Хорошо отдохнув прошлой ночью, я до позднего вечера в делах и заботах крутился по всему посёлку, как волчок. Заказанный, оплаченный мной и доставленный коммерсантами подвесной двигатель «Ямаха» лежал в магазине, но я не мог его получить в виду того печального обстоятельства, что сволочной владелец торговой точки отсутствует на рабочем месте. Не ломать же склад…

Однако побездельничать мне не удалось. Требовалось приобрести и упаковать массу нужных в хозяйстве мелочей, от длинных шурупов и недостающей для козырька черепицы до пачки нарезанного по размеру оконного стекла, нужного для ремонта. В обоих продуктовых магазинах традиционно для таких лавочек имеются полки с разнообразными хозяйственными товарами, достаточно адекватно укомплектованные всякой полезной мелочью. Товар посерьёзней там не найдёшь, такой нужно заказывать.

Ожидая появления хозяина «Мастерка», я доделывал последние дела. Собирал нужные грузы, тщательно стараясь всё уместить на экспедиционном багажнике, в салоне джипа и на прицепе, чтобы потом быстро погрузить и увезти в Глухари одной ходкой. Объём, с учётом необходимых стройматериалов, получался приличный. Три раза я сбрасывал коробки и мешки на молодую траву крошечного собственного дворика и начинал примеряться заново. Работа нервная, даже матершинная.

Я действительно не охочусь ради пропитания, нет такой цели – вышибать в окрестностях Глухарей всё живое. Лося завалил только один раз, случайно, если честно, и больше без острой нужды повторять это не собираюсь. Половину огромной туши, рацией вызвав Дмитрия Новикова, отдал этому промысловику, имеющему большой охотучасток неподалёку. Хитрый был ход. Опытный охотник примчался быстро, в знак благодарности научив меня правильно и качественно разбирать такую серьёзную добычу.

Поэтому всё нужно было сделать так, чтобы завершающим этапом подготовки к рейсу стала погрузка из промышленных холодильников «Макао» необходимого количества мороженого мяса, которое потребуется без задержек доставить в Глухари для укладки в просторный ледник.

Казалось бы, дрыхни себе до самого утра без задних ног…

И тем не менее проснулся я без пятнадцати два ночи, испуганно распахнув глаза от неожиданно сильного, назойливо тянущего под ложечкой чувства голода. Бывает со мной такая напасть. По заветам диетологов и опытных товарищей я честно стараюсь вечером ничего не есть и вроде бы давно привык к такому режиму. И всё равно досадные проколы иногда случаются.

Поворочавшись минут пять с боку на бок, я понял, что без эффективных контрмер заснуть не удастся, и сомнамбулой поплыл в сторону маленькой кухни. Большого белого друга – холодильника – у меня нет ровно по той самой причине казусного посещения явки. Не вижу смысла заводить в квартире постоянно подключенный к электросети агрегат, появляясь на квартире-базе от силы раз в квартал. И то дня на два, на три. Консервы открывать было лень, сооружать какие-нибудь бутерброды, орудуя впотьмах ножом, тоже. Не включать же свет… Выручили два варёных яйца, оставшиеся на подоконнике с завтрака.

Усевшись за столом, я кое-как снял скорлупу, нащупал солонку, придвинул эмалированную кружку. Не обнаружив поблизости хлеб, решил обойтись без него, запив яйца холодным чаем. Процедура заняла считаные минуты, и я уже собирался покинуть помещение заправки, как отметил неведомо откуда взявшийся низкий дребезжащий гул.

Затем на подоконнике мелькнула, сваливаясь на пол, быстро перемещающаяся странная тень. Резко повернувшись к окну, я увидел нечто, заставившее меня вскочить с табурета, и тут же почувствовал, что сейчас, скорей всего, произойдёт нечто очень плохое.

Над крышей здания слышался низкий гул, словно от пролетающего на большой высоте лайнера. Широкий след, почти идентичный реверсивному, то есть конденсационному следу пассажирского реактивного самолёта или ракеты, прямой линией тянулся за кормой неизвестного летательного аппарата. Однако след этот был очень уж ярким, словно луч. Точка летящего объекта мерцала импульсными вспышками, но уже через секунду вспыхнула ярким холодным цветом, прогнав ночь с этого сектора тайги.

И тут же объект ушёл в облака.

– Движки у него загорелись, что ли?

Летательный аппарат шёл со стороны северо-северо-запада, находился достаточно высоко и снижался под углом примерно в тридцать градусов, направляясь к тайге района Ванавары.

Всё происходило очень быстро, однако думать и что-то оценивать я пока успевал.

Пассажирские борта здесь летают часто, высотные эшелоны их трансполярных трасс проходят совсем рядом. Китайцы и американцы, японцы, голландцы и немцы… Кого только не увидишь в енисейском небе. Странно только, что гул настолько хорошо слышим, на такой высоте даже широкофюзеляжный пассажирский самолёт о четырёх движках для наблюдателя с земли летит почти бесшумно.

Может, это вояки тренируются? Неудачно, судя по всему.

– Разобьётся же! – вырвалось у меня.

Над тайгой по мрачному серому небу вдруг побежали яркие всполохи, и почти сразу из пелены высоких, размытых в призрачное одеяло облаков вылетел ослепительно яркий шар с огненным шлейфом! Свет был всё тот же – белый, мертвенный, знаете, как у дуговой сварки, не такой сильный, конечно, но смотреть было неприятно… Теперь небесный огонь был слепящим, не позволяющим разглядеть сам объект, который всё так же неумолимо падал в тайгу.

Да это же метеорит!

Полёт болида всё громче и пугающе сопровождался поистине апокалиптическими звуковыми эффектами: вымораживающим душу свистом и гулом! За набравшим силу огнём пылающего ядра потянулся рассыпающийся пылающий хвост, а до земли долетал какой-то рваный шорох или шипенье, как словно в небесах работал огромный огнепроводный шнур. Теперь полет болида продолжался серией ярких пульсирующих вспышек, и из-за этого казалось, что он двигается по небу прерывисто, импульсами. По западному сектору небосклона будто разлили молоко, с каждым мгновением становилось всё светлее и светлее. Видимость была прекрасная, ночи как не бывало! С высоты второго этажа я уверенно различал излучину реки и берег со стеной тёмнохвойного леса.

Ух ты! После очередной вспышки шар взорвался следующей, но уже более яркой, но не разделился, лишь расплескав назад фейерверком ярких белых всполохов.

После исчезновения болида в тайге, где он взорвался, образовалось огромное слепящее пятно и заметное на его фоне грибовидное облако, медленно поднимающееся в небо. Секунды я не считал, рефлекс не сработал за его отсутствием. Будь я крутым спецназовцем или опытным артиллеристом, может, и засек бы временной промежуток между вспышкой и звуком взрыва, позволяющее хотя бы примерно установить дистанцию до места катастрофы.

В голове мелькнула совсем другая мысль: «Стёкла!»

Дрожащими рукам я рванул старые шпингалеты, распахивая створки настежь внутрь, метнулся в комнату, где успел проделать то же самое. Дверь надо распахнуть! В этот момент я зачем-то начал считать вслух, произнося цифры громким шёпотом.

Вскоре после увеличения облака примерно вдвое за рекой раздался плотный, резкий, наподобие оглушающего выстрела гаубицы, громовой удар. Следом послышался гул, а секунды через три после удара раздался второй, а вот и третий…

Взрывная волна мгновенно наполнила комнату тугой скатанной ватой. Пол под ногами дрожал, началось что-то вроде землетрясения. Я упал на пол, не столько от толчка, сколько от страха. Боли от падения не почувствовал. Какая-то неведомая сила вжимала меня в доски, шептала: «Лежи!», сюрреализм происходящего поражал. Внутри вспыхнуло необъяснимое и нечеловеческое чувство животного ужаса.

Гул немного стих, дом перестало трясти. Собрав волю в кулак, я смог на четвереньках добраться до подоконника и подтянуться.

Мать моя…

Кругом звенели падающие наземь осколки битого оконного стекла, где-то на складах с опозданием завыла сирена, истошно орали автомобильные сигнализации. Вряд ли здесь кто-либо в Крестах становился жертвой угона автотранспорта, но сигналки имеют все. Очень важен автозапуск, особенно зимой. Мой красавец «Монстр» тоже ревел дурью, хозяин всегда узнает звук своей сигналки. Отключил. Дом, в котором я живу, построен странно, два подъезда выходят по разные стороны. Джип стоял на другой стороне, возле самого подъезда, поэтому пострадать не должен. А прицеп?

По всей долине, огромной поляне овальной формы, в которой раскинулся посёлок Каменные Кресты, летел уже почти обычный сильный ветер, даже очень сильный, и поэтому всё ещё пугающий. Упруго толкнувшись в низкие здания, он, огибая их, и дальше продолжал в стену тайги дуть ровно, с постоянной силой. Какой глубокий поток! Над ближними постройками, закручиваясь спиралью, взвились в воздух тучи мусора и сорванных листьев. Где-то неподалёку с шумом рухнул большой щит или кусок стены, даже последыши взрывной волны продолжали приносить неприятности. Громыхнули листы сорванной кровли.

Что же тогда творится на месте падения! Несложно предположить. Деревья вокруг эпицентра вырвало с корнем, в воздух поднялись целые холмы и болота… Особенно страшно представить судьбу тех, кто мог оказаться в зоне падения каменного монстра.

Яркое полусферическое свечение поднималось над точкой удара.

Мистическая картина! В облачной высоте белый свет тускнел, переливался бликами, постепенно начиная переходить в оранжево-красный.

– Что, товарищ писатель Бекетов, в штаны навалили, мать иху-шалуниху так? Как и я, впрочем, – неожиданно крикнули снизу громким басом.

Фамилию мою он произнёс верно, с ударением на второй слог. Как-то так сложилось, что в столице почему-то ставят на первый. А здесь сразу начали произносить корректно, без уточнений с моей стороны.

– Так ведь есть от чего навалить, Сидор Поликарпович! – ответствовал я нашему участковому, перевесившись через подоконник.

Капитан Храпунов – ветеран МВД и потомственный енисеец знаменитого казачьего рода, высокий коренастый мужик с крепкими руками и коротко стрижеными усами. Рассказывали, что его предки появились в этих краях ещё в семнадцатом веке.

– Вы на камеру засняли, Никита?

Эх, не бывать мне популярным видеоблогером. Ничего не колыхнулось, вообще не вспомнил о камере.

– Видел, но не снял, к сожалению, как-то не до этого было.

– Вот и я оплошал. Это же натурально Гром Небесный! Словно дьявольская колесница по небу пронеслась!

– Князя Тьмы на огненном шаре я не заметил, а настоящую колесницу никогда не видел. Однако вы правы, сумасшедшее зрелище. Сейчас спущусь.

Один чёрт придётся выходить наружу, надо проверить технику. К моему удивлению, разрушений в квартире почти не наблюдалось. Кое-что упало, весь пол был усеян принесённым через окно мусором. Разве это последствия… Быстро одевшись, я, секунду подумав, прихватил с собой плоскую бутылку коньяку, сунул в карман горсть шоколадных конфет.

Эта сторона здания, закрытая от удара волны, выглядела неповреждённой. Во всяком случае, окна выглядели целыми. Обогнув дом, подошёл к участковому, и какое-то время мы молча стояли и смотрели на мистическое зарево, раскинувшееся над тайгой. Ветер почти стих. Словно и не было ничего. Остался только странный переливающийся свет в небесах.

Капитан начал разговор первым:

– Надо же, сто лет прошло, и вот, здравствуйте, второй гость прилетел, почти на то же самое место.

– Чуть больше прошло, – не удержался я от поправки. – Думаете, там же лёг?

– Не совсем. Пожалуй, немного восточней и северней, ближе к нам. Где-то между Крестами и Ванаварой, примерно на равном расстоянии. И поменьше мощностью, чем предыдущий.

– Бабахнуло здорово, – возразил я.

– Здоровее видали, – важно объявил Храпунов, погладим усищи. – Я много свидетельств да рассказов всяких прочитал, а один из моих прадедов сам был очевидцем падения Тунгусского метеорита.

– Из казаков?

– Других не имеем. И этот не высоко над тайгой взорвался, а, скорей всего, упал на землю.

– Значит, есть хорошо заметный кратер.

– Опять ничего толкового не найдут, – проворчал полицейский, махнув рукой.

Интересно, как он объяснит своё появление именно здесь и сейчас, задай я ему такой вопрос. Поселковое отделение полиции находится в полукилометре отсюда, а служебного «Хантера» поблизости не видать.

– На адрес заходил для проверки. Сигналы от населения – приоритет в нашей работе. И тут такое…

Я уже знаю, что в игры с этим серьёзным человеком играть опасно, он на ходы вперёд видит. А нарушителя спокойствия, на которого якобы стукнули соседи, я, кажется, знаю. В бухгалтерии работает, при администрации. Впечатляющих форм особа.

С минуту мы опять молчали, потрясенные зрелищем пламенеющей небесной полусферы. Ни поваленные деревья, ни разбитый сарай неподалёку, ни груды деревянных обломков и пара сорванных с крыш листов оцинковки на перекрёстке перед школой всё ещё не убеждали, что передо мной – материальные последствия космогонической катастрофы поистине вселенского масштаба. Разум упорно старался связать это зрелище с привычным ему по телепередачам и видеороликам в ютубе. Он упорно пытался приклеить увиденное к террористическим актам, наводнениям и землетрясениям, с локальной войной – моделировал пусть и трагическое, но самым ужасным образом хоть сколько-то привычное современному обывателю, объяснимое, то, что имеет видимые причины и конкретных виновных.

Падение Тунгусского метеорита-2 мой разум воспринимать отказывался наотрез, наверное, считая это кинопостановкой.

Наконец капитан произнес:

– Сколько же там деревьев повалило…

– Не было бы пожара, – подкинул я тревог. – А если ещё в районе и искатели какие-нибудь работали…

– Это не приведи господь, – согласился Храпунов. – Доложить бы по инстанции, да связи нет.

Капитан, не глядя, протянул в мою сторону служебную рацию, пару раз безрезультатно нажав кнопку вызова. Наверное, магнитная буря лютует.

Говорит он на странной смеси канцелярита и местных говоров. Первым меня не удивить, это скорее норма для его службы, а вот к енисейской манере разговора я привыкал долго, пока не обнаружил, что уже и сам вставляю новые для себя словечки.

– Военные наверняка наверх сообщили, у них связь защищенная.

– Доложили. Обязательно, а как же! Скоро в район полетит авиация МЧС с пожарным самолётом, – невесело предрёк участковый, показывая рукой направление, и, чуть подумав, добавил: – А может, и сразу Министерство обороны.

Вот эта часть фразы мне отчего-то очень не понравилась. Однако прав ветеран, военные вполне могут зайти на место первыми, а при необходимости и засекретить всё с ограничением доступа.

– Допускаете происки врагов?

– Не допускаю, – отрезал он. – Не человеческих рук это дело.

На этой стороне стояли две автомашины, владельцы которых жили во втором подъезде. Блестящий антрацитом новенький «Лендкрузер-200» в стоковой комплектации, орал особенно громко. Наконец из второго подъезда вышел растрёпанный Коля Гинзберг, работник службы безопасности одной из золотодобывающих артелей, которой и принадлежал джип. Быстро осмотрев машину, он отключил сигналку. К нам подходить Николай не стал, показав на разбитые окна своей квартиры и взмахнув в отчаянье руками. Второй автомобиль, старый ниссановский пикап на базе «патруля», всё ещё противно верещал.

– Что ж ты орёшь-то так все время? – с этими словами полицейский начальник решительно подошёл к пикапу, оглядел его и, примерившись одним замахом, вторым сильно ударил кулаком по капоту. Как массивной пивной кружкой по столу! Сигнализация тут же заткнулась.

Во, участковый у нас! Все ходы знает, и ко всему у него есть ключики. Хозяин тайги.

– Стиклы-то биты! Гля, кругом стиклы, всё бито, щепа… Все окна у людей повышибало, – покачал он тяжелой головой. – Теперь всем к Галиакбарову.

Вовремя я, однако, затарился! А если Храпунов будет намекать, что хорошо бы стеклом поделиться, то хрен вам, непредусмотрительные потерпят. Одно из окон зимовья выходит на реку, а значит, вполне могло вылететь. Так что подождут. Я вот жду, и ничего, не опух.

– Салофаном придётся затягивать по первости, – сказал он, словно опять прочитав мои мысли. – Но это не самая главная печаль, Никита. По крайней мере, моя. Окна, оно что… Суровые времена для меня наступают, тяжкие, маятные.

– Вы о чём, Сидор Поликарпович?

– Экспедиции сейчас сюда нагрянут, проверки, вот о чём. Пуще, чем в несчастную старушку Ванавару попрут к нам. Табуном прискачут! А зачем мне, скажи, столько новых людей в посёлке, я спрашиваю, да ещё из столиц всяких?

Ёлки-моталки! Я тут же очень живо представил приземляющиеся на тесную площадку вертодрома цветастые геликоптеры с прессой из всех стран мира, один за другим, увидел спешащие по трассе зимника автоколонны с учёными и эзотериками разных школ и течений, колдунами, уфологами и искателями метеоритного железа.

– Вижу, осознали. Во-во.

– Надо срочно в тайгу драпать.

– Хорошо вам. А мне улизнуть не удастся. Утром придётся встречать.

– Думаете, связь быстро восстановится?

– Конечно, это же не ядерный взрыв.

– Отлично. Вот дождусь продавца, заберу мотор, и ходу. Сказали, что он завтрашним бортом должен прилететь.

– А вот на это вы, товарищ писатель, не надейтесь, – ехидно заявил полицейский. – Я, конечно, не специалист в делах СМИ, тонкостей всяких не знаю, да и телевизор смотрю редко. Только думаю вот что: центральные телеканалы любые деньги заплатят авиаторам, но ради такого эксклюзива выкупят все свободные и не очень борта. Да и капитанов катеров найдут, тут заработать каждый будет рад. Так что не видать Азраку билета, как своих волосатых ушей. Вы как, готовы давать красивой журналистке развёрнутое интервью? Да шуткую я, шуткую…

Вот теперь я точно всё осознал и крепко выругался. А потом достал из кармана куртки коньяк с конфетами.

– Раз так, давайте помянем былую спокойную жизнь.

– Эвона как! Вы что же, товарищ писатель, ответлицу прямо вот на улице выпить предлагаете? Спиртные, значится, напитки, на служебном, извините, посту? А давайте-ка! Только зайдёмте за пикап, люди выходить начали, видите, осмелели. Сейчас с сигналами от населения всё будет в порядке…

Гораздо позже, вспоминая, и неоднократно, этот апокалиптический момент, я почти убедил себя, что почувствовал приближение метеорита несколько раньше, чем он появился в небе над Каменными Крестами. Один мой знакомый называет эту форму внезапной интуиции чуйкой. Испускаемые небесным телом какие-нибудь там инфразвуки, не знаю, вызвали спазм диафрагмы, которые я принял за чувство голода. Хотя внезапного озарения не случилось. Но ведь может же быть такое! В результате достаточно долгого одиночного проживания в таёжной глуши писатель Бекетов отчасти вернулся к первобытному состоянию человека разумного. К кроманьонскому способу оценки степени опасности. Разум ещё не понимал, что беда на пороге, а датчики уже собрали информацию и отослали телу, дальше должны были отработать своё рефлексы.

Я даже собирался как-то использовать подобный эпизод в будущей книге. Накопленный опыт сразу выдал – драпай как можно быстрей, идиот! Однако в данном случае мой мозг, всё ещё расслабленно-урбанистический, оказался не на уровне, у домашней и таёжной живности эта самая чуйка работает гораздо лучше.

Качественно прогнозировать нечто плохое пока не получалось. Глядишь, в следующий раз что-нибудь дельное из головы в нужный момент и выскочит. Во всяком случае, очень на это надеюсь.

Глава третья. В столице глухомани

Дальнейшие события развивались в той же последовательности, которую в обмене короткими репликами определил вчера умудренный жизненным опытом поселковый участковый Храпунов. Как правильно заметил капитан, наблюдаемые последствия взрывного удара показывали, что Тунгусский метеорит-2 действительно оказался пожиже силёнками, чем его хрестоматийный космический предшественник, ещё более эффектно рухнувший в эти же места в далёком 1908 году.

Призрачное свечение над тайгой начало быстро терять яркость и опускаться к горизонту, окончательно погаснув уже через несколько часов. К утру в Каменных Крестах восстановилась сотовая и радийная связь, которую я сразу же проверил на автомобильном трансивере. В одиннадцать часов дня, когда я выбрался из берлоги, собираясь купить в ближайшем продуктовом магазине очень вкусный свежевыпеченный хлеб и с полдюжины банок пива, над долиной разнёсся характерный звук вертолётного двигателя. К вертодрому медленно, словно приглядываясь с опаской, со стороны реки подходил двухцветный ютэйровский Ми-8МТ, первая ласточка.

Посетители магазина, ежедневно собирающиеся здесь к началу продажи изумительно вкусной свежей выпечки, прежде всего сладкой, а попутно и в клубных целях, в течение пятнадцати минут щедро снабжали друг друга и меня тоже, только что поступившей и, без всякого сомнения, самой точной информацией. Получив из рук молоденькой продавщицы по имени Екатерина горячий пакет-маечку, я, вопреки своему обыкновению, не удрал, а натурально развесил уши, для прикрытия встав возле углового окна, что-то там озабочено выглядывая. Словно в ожидании несуществующего здесь такси, вызванного по сотовому телефону. Так себе конспирация.

Стоял молча, с демонстративным отстранением, лишь изредка поглядывая на группу обсуждающих и каждый раз натыкаясь на томный взгляд Кати. Ох, неровно дышит ко мне эта девица-красавица, ох, неровно… Она никогда не вручит первый попавшийся батон, всегда начиная выбирать на поддоне самый красивый, румяный, да чтобы без изъянов. После чего непременно поинтересуется, не нужно ли товарищу писателю земли русской что-нибудь ещё. И глядит так… По-моему, она хочет взять надо мной шефство с последствиями.

А я последствий боюсь, я от них бегу в тайгу.

Публика вела себя несколько нервно. Люди постоянно перебивали друг друга, к месту и не очень вставляли несущественные реплики, переспрашивали и настойчиво пытались высказаться, выдавая на гора собственные удивительные версии. Вскоре я узнал, что командование войсковой части внезапно решило существенно увеличить охраняемый периметр, поставив блокпост в самом начале панельной бетонки, где злобствует «злого облика усач с автоматом», небывалое дело! Родственники одной бабки доложили ей по телефону, что в нашу сторону готовы вылететь ещё три вертолёта из Бора, битком набитые глупыми людьми, которым неймётся, и поэтому хлеб в посёлке точно скоро закончится к чертям собачьим, а пьяни прибудет, что хорошо для коммерции.

Некие старые знакомые другой, не менее сведущей женщины, проживающие аж в самом Красноярске, вообще поделились с ней совершенно секретными сведениями о прибытии сюда сил и средств спецназа ФСБ. Поэтому абаканскую говяжью тушёнку и свинину пряную нужно покупать прямо сейчас, и лучше ящиками. Хотя денег нет, до пенсии целых три дня. А водка – тоже отличный товар, может, даже самый лучший, потому как валюта. Ведь будут же все эти экспедиционщики и журналюги пить горькую? Будут, как миленькие, кто ж не знает эту братию! Ну, а цены в «Котлетной» и уж тем более в «Макао» просто обязаны вырасти до небес. С бензином в Крестах пока всё в порядке, плавучий магазин, как обещают, придёт без задержки, но с корректировкой ассортимента и объёма доставляемого груза.

Один бородатый дядька средних лет, собрав вокруг себя всех посетителей, со знанием дела авторитетно вещал красивым басом, что первыми в тайгу полетят дозиметристы и секретные специалисты по химическому и бактериологическому оружию, все в спецкостюмах. На что народ разохался и запричитал, тут же начав предполагать, что грибному и ягодному сезону в этом году хана, и на белых груздях, боровиках и красноголовиках заработать не удастся – власти запретят! На всякий случай, и не думая о тощих кошельках народных масс. Это действительно важная для людей тема, ведь за лето местные, сдавая на заготпункт собранные дикоросы, в зависимости от разворотливости и удачи могут заработать до восьмидесяти тысяч рублей.

Стёкла разбиты примерно в половине поселковых квартир, окна которых выходят на юг, люди уже затягивают прорехи тем самым «салофаном», то есть толстой полиэтиленовой плёнкой, обычно использующейся в парниках-теплицах. И её действительно всем не хватает, прозорлив товарищ капитан!

Ещё я узнал, что в помощь участковому пришлют одного или даже двух полиционеров чином не ниже сержанта, что растерявшаяся местная власть не знает, за что хвататься, а так же принял к сведению разведданные на предмет отсутствия в Крестах чекистов. А вот промпредприятия, как на грех, на общий кипеш не ведутся и продолжают ритмично работать, словно ничего не произошло, у них, видите ли, план.

Самое важное из услышанного: здесь присутствовала двоюродная сестра Галиакбарова, которая заверила обчество, что единственный промтоварный магазин скоро откроется. Хозяин «Мастерка» оказался тем ещё жучилой и всё-таки сумел забить место на одном из ближайших бортов. Скорее всего, утром прилетит. И торопится он потому, что опасается даже не случившегося апокалипсиса, а вероятного постапокалипсиса, во время которого одичавшие жители кинутся ломать замки амбаров, подвергая разграблению всё нажитое честным предпринимательским трудом, а власть кое-что и реквизировать может. Кстати, весьма справедливые для предпринимателя опасения.

На этом моменте политинформации я покинул клубное место и, вдохнув про запас пару глотков аппетитного аромата свежего хлеба, отправился домой.

На улице было бойко.

Обычно сонные, сейчас Каменные Кресты напоминали ударную комсомольскую стройку из старых советских кинофильмов. Тут и там группы людей активно занимались уборкой мусора и восстановительными работами, горнорудное предприятие выделило для этих целей три ремонтные бригады. Им помогали два маленьких фронтальных погрузчика «Бобкэт».

Жители тоже работали. Одна бойкая девушка с огромными граблями попыталась привлечь меня на сторону сознательного пролетариата, но товарищи тут же её одёрнули, громогласно сообщив, что мимо проходит законченный бирюк и немного ненормальный столичный чудак. И это так, желания помогать обчеству у меня не возникало. Мне это обчество в Москве надоело.

Телевизора в квартире нет. Не светится в интимном полумраке плоский экран высокого разрешения, не радуют душу отшельника отупляющие телешоу и мыльные сериалы. Не для того я спрятался в тысячах километров от Москвы, чтобы телепередачи смотреть. Однако сегодня мне пришлось пожалеть об отсутствующей спутниковой тарелке – я добровольно лишил себя недорогого и на удивление оперативного средства получения актуальной информации.

Локальным FM-вещанием в Каменных Крестах никто не занимается, какая тут может быть реклама? Нет смысла. А с прекращением трансляции на средних волнах радиоэфир стал в этом плане малоинформативен. Не к соседке же на чай идти, там тоже возможны нехорошие последствия, она такая…

В посёлке и на территории марганцевого рудника работает спутниковый интернет с очень узким каналом. Ну, как работает… Здесь он такой, каким был в центре страны четверть века назад, сто двадцать килобит в секунду – большое счастье и удача. Раньше меня это нисколько не заботило. Все аккаунты в социальных сетях я заморозил, провокационно удобные приложения мессенджеров со смартфона снёс. Если уж кому-то сильно понадоблюсь, то и эсэмэской достанут или позвонят на спутниковый. Однако именно сегодня хороший интернет мог бы пригодиться.

Потыкав пальцем в планшет, я несколько раз безуспешно попробовал загрузить поисковые системы, но страницы не открывались. По всей видимости, всё обеспокоенное происходящим население Крестов одновременно полезло в сеть в поисках подробностей, первых скандалов и сенсаций, как и возможных реакций краевых властей. Попытки послушать сетевое радио тоже не увенчались успехом, трафика не хватало. Через спутниковый телефон марки Iridium пробовал, у меня постоплатный пакет с учётом каждого байта. Дороговато, конечно, а качество сильно зависит от состояния эфира и погодных условий. Сейчас эфир словно взбунтовался.

В конце концов я попытался плюнуть на все эти новости и сел писать книгу, стараясь демонстративным трудолюбием вернуть себе душевное равновесие. Ничего не получалось, я не могу работать над текстом даже в настолько примитивной урбанистике. Хоть ты тресни, не шла мысль в голову, не возникали интересные идеи, хоть убейся! Творить нетленку у меня получается только дома, в родном и уютном зимовье Глухари, где я порой могу провести за ноутбуком всю ночь.

Вечером ещё раз вышел во двор. Основная часть мусора уже была убрана, бригады командированных с рудника и энтузиастов-трудоголиков отправились в «Котлетную», поспорить могу. Но и к восьми вечера общее движение не прекратилось, как это бывает обычно. По посёлку постоянно ездили автомобили, ходили возбуждённые люди, спонтанно собираясь в группы, кто-то даже пару раз пробежал. В окнах то и дело перекрикивались соседи. Какого-то страха, а уж тем более паники, не наблюдалось. Люди были просто взбудоражены, словно чего-то ждали.

Прогулявшись чуть дальше, я заглянул на площадь перед администрацией посёлка, заглянул на почту, а на обратном пути увидел на освещённой прожекторами площадке вертодрома два пятнистых армейских вертолёта и военный «Урал» с кунгом защитного цвета. Здесь тоже присутствовал злой дядька с автоматом, не знаю, усатый или нет.

Еще через час эти два борта с кассетами НУРС на пилонах поднялись, с рёвом и жутковатым присвистом огромных лопастей медленно прошли над моим домом к Таймуре, а за рекой вертушки начали полого набирать высоту и ускоряться, направляясь к месту небесного удара. Участкового я в этот день не видел, о Гумозе с его пистолетом ТТ даже не вспомнил. Вся эта чуждая движуха убеждала – нужно срочно уезжать.

Вот так и прошёл этот странный день непонятных ожиданий.

Природа вокруг уже окончательно забыла об апокалиптическом визите пришельца из космоса. Словно и не было этого разрушительного вихря. Тайга стояла по-прежнему непоколебимо. За время её существования на этих огромных пространствах чего только не падало с небес. Все в ней продолжало жить своим укладом, так же, как год, десять или сотню лет назад. Вдали еле заметно покачивал острыми верхушками тёмнохвойный лес, отливали розовым тонкие вечерние облака, изредка вскрикивали наглые кукши и вороны, лениво гавкали кудлатые поселковые собаки, а рядом со мной гудели комары.

Блестел причудливый изгиб реки, с которой доносились звоны моторных лодок, спешащих успеть встать насухо возле сейфов до темноты. Вроде бы ничего необычного. И всё же что-то вокруг изменилось, это чувствовалось.

Что-то уже шло не так.

Утром я не тянул ни минуты.

На процедуры и кофе ушло всего строго определенных полчаса, по истечении которых я был возле своего разлюбезного «Монстра». Закинул часть поклажи на экспедиционный багажник, а потом и прицеп загрузил так, чтобы в нём оставалось место только для мороженого мяса и подвесного мотора. Закрыл квартиру на два замка и, предупредив соседку, поехал в продуктовый за свежей молочкой, которую завезли вчера из Северо-Енисейского. У входа я припарковался почти одновременно с двумя чёрными «лендкрузерами» золотоартельной сигуранцы, одним из которых управлял мой знакомец Николай Гинзберг. Оказывается, мужики тоже поутру планово отчаливают из Крестов к месту службы на «Удачный», а сюда заехали за напитками по заказу – режим торговли алкогольной продукции в Крестах очень эластичен и часто определяется исключительно симпатиями или дурным настроением продавца.

Во втором экипаже находилось двое сурового вида крепких мужика, ранее мне не знакомых. В общем-то, нам было по пути, но следовать большую часть маршрута такой колонной я не собирался. От безопасников вообще лучше держаться подальше. Разные ходят слухи о специфике их работы. И никто толком не знает, какого чёрта они с такой частотой шастают между прииском и посёлком.

Гумоз, например, абсолютно уверен, что люди в чёрном вывозят с приисков готовую продукцию, а туда доставляют наличные деньги в тугих перетянутых пачках. Не верю, зачем там живые деньги, где и на что их тратить? Я его об этом спрашивал, однако идейный бич этим простым вопросом не задаётся, потому что обыватель часто склонен в любом тайном деле видеть адские деньги. В перевозку золота автомашинами через чащобы тоже трудно поверить, для того имеется вертушка «Робинсон», все её видят. Тем не менее два чёрных джипа постоянно мотаются туда-сюда, изредка отправляясь по зимнику на запад.

Внедорожники у безопасников стандартные, в заводской комплектации, без каких-либо внедорожных наворотов. Зато новенькие, нарядные, всегда начищенные и отполированные до блеска. По грунтовкам, где буераков хватает, они практически не катаются, тем более не забираются в настоящие грязи. Резина – обычный «борис федорович», не то что мои колёса, на которых хоть по целине иди.

Второй экипаж отчего-то сильно торопился. Старший машины протянул Коле деньги, быстро дал ему какие-то последние инструкции и, еле заметно кивнув мне, как лицу незначительному, скомандовал водителю «марш-марш». Проводив коллег долгим взглядом до первого перекрёстка, Николай повернулся, чтобы успеть перед заходом в магазин обменяться парой дежурных реплик.

– Что, книгу свою уже написал, живой классик? Когда покажешь почитателю таланта? – так он всегда меня и приветствует, уже привычным вопросом зануды. В этот раз я ответил, хотя обычно пропускаю мимо ушей:

– А ты когда покажешь самородное золото?

– Ну, ты задвинул, братан… – отреагировал Николай удивлённо. – Сравнил какую-то там книжку с золотом!

– И что же тут не так?

– Всё не так! Золото это… – он прищурился и строго погрозил мне толстым указательным пальцем. – Это золото! Его ещё найти нужно, да при себе удержать.

– Да? – я продолжал валять дурака. – При желании и мне не так уж сложно найти золото. А вот ты сможешь отыскать в тайге только что написанную книгу?

– Куплю! Любую рукопись, – быстро выкрутился Гинзберг.

– Мою, положим, не купишь, – ухмыльнулся я, уже приготовив западню.

– Вопрос цены, – не сдавался он.

Попался, красавчик, ловушка сработала.

– Так ведь это перед тобой встанет вопрос цены, Коля… Перед тобой, это твоя проблема. За какой-то жалкий мешочек с песочком я роман не отдам, мелко. А вот ты отдашь чемодан золота за книгу?

– Ну, так-то да, не в одном ряду, – заулыбался он, оценив прикол. – Кстати, никакой чемодан тяжести золота не выдержит.

Внутри пришлось встать крайним в неожиданно большую для раннего утра очередь, а мой знакомый ждать не собирался, подскочив к продавщице сбоку и сунув ей в руки записку. Та коротко кивнула, нашла подсобника, и вскоре тот не только вытащил две здоровенные картонные коробки, но и сам погрузил их в салон «крузака». Вот же паразит!

– Кому колом стоять, кому волком бежать, извини, брат! – с гордым превосходством молвил Гинзберг, подскочив ко мне на секунду. – Время дорого, погнал я.

– Давай, может, догоню, – ответствовал я.

– На этих тапках? – взлетели брови Николая. – Не парься. – Он скосил глаза и чуть кивнул в сторону окна, где светло-коричневой тенью стоял «Монстр». – Не было такого, и не будет.

– Ну, и вали тогда, – разозлился я непонятно почему, разве не по фигу?

– Да ладно тебе губы вниз дугой гнуть, не обижайся. У меня действительно времени в обрез, я в этой гонке кое-что дома забыл, придётся возвращаться. Дурдом.

– Вас что, по тревоге подняли? Усиление есть?

– Что? О чём ты… Никаких тревог, всё спокойно, – он тут же отыграл назад. – Начальство даже не заметило ничего. Это у академиков на вертолётах усиление, у военных. Наше дело правое, стабильное, вечное – золотишко мыть.

Ну, да, эка невидаль, метеорит в сотне километров рухнул.

Закончив дело здесь, я по расписанию подкатил к «Мастерку». Миндальничать не стал, разбудив хозяина пятёркой крепких ударов в дверь, от силы которых полотно заметно прогибалось. Галиакбаров, продирая глаза в проёме, не стал ворчать и ругать самого прибыльного своего клиента за ранний визит. Якорного, можно сказать, много товара у него беру, да и заказы дорогие. Наоборот, он даже помог уложить двигатель на прицеп и жестко закрепить его.

Все, можно драпать, слава тебе господи!

Я с чувством полного удовлетворения оглядел высоченный джип с полной нагрузкой, погладив пальцем единственную блестящую деталь на кузове – изготовленный на заказ хромированный шильдик с надписью MONSTRO.

История рождения этого зверя – отдельная эпопея, захватывающая и весьма драматическая, со своими приключениями, неожиданными находками и ошибками, заслуживающими изложения на бумаге. Ещё на начальном этапе реализации плана по удалению от людского сообщества я естественным образом озаботился приобретением подходящего транспорта, и прежде всего большого тяжёлого джипа. От пикапов, наведя в сетях справки по условиям среды и быта, отказался сразу.

Дело в том, что я никогда не увлекался офроудом, а престижными паркетниками так и не заболел, прекрасно обходясь в суровой московской жизни фордовским седаном «Мондео» достаточно богатой комплектации. Пришлось обратиться за помощью к друзьям-приятелям. А друзья, они люди такие – эксперты по любому вопросу, какого не коснись.

Они сразу отговорили меня от покупки любого из «лендроверов», убедив, что Север их недолюбливает. Что же, раз так, то есть старые добрые «лендкрузеры»! Я уже знал, что даже в самом дальнем таёжном захолустье таких машин хватает, правда, местные используют старые трижды отрихтованные модели, всё чаще это праворульные «восьмидесятки». В стремлении получить хоть какое-то понятие и первичный опыт я напросился на пару покатушек вместе с приятелем, владельцем заряженной «двухсотки». И оба раза стал свидетелем неприятной, что

ли, ситуации, когда хвалёный японский сухопутный крейсер не мог самостоятельно выбраться из топкой осенней грязи Подмосковья.

Мозгов много, толку мало… Там, где и грязи-то ещё нет, как таковой, и где нужно было просто плавно идти в натяг, джип всё время старался что-то там додумывать и мгновенно засаживал машину через пробуксовку. Нет, умная автоматика высококачественной японской машины честно старалась из всех сил, работала вовсю, эти самые электронные мозги кипели. Что-то подозрительно щёлкало, переключалось, гудело, попеременно мигали лампочки, колёса пытались крутиться, но внедорожник лишь всё глубже погружался в глину.

И каждый раз нас вытаскивали тросом с помощью отечественного «патриота». В третий раз приятель закатил своему верному коню натуральную истерику, объявив её бестолковой тачанкой, созданной по заказу богатых туарегов, и вспоминая, как он был впечатлён, увидев отличные способности «крузака» в самовыкапывании из песка. Я же от греха помалкивал и исправно выполнял всё порученное, про себя решив, что он в чём-то прав. Вечером во время обсуждения в лагере дневных итогов покатушек мне было сообщено, что «крузак, конечно, машина отменная, из лучших, но для российских, а уж тем более таёжно-северных условий лучше брать модель постарше, дабы иметь возможность вырубить автоматику и разбираться с кочками в ручном режиме». Однако обзаводиться старьём – «восьмидесяткой» или «соткой» – мне категорически не хотелось. Приличную ещё не так-то просто найти, а модернизировать рухлядь… Был тут определённый снобизм.

А потом меня натурально закусило – возьму-ка я отечественную машину!

Тот самый ульяновский «Патриот». Вложусь хорошими деньгами, прокачаю по максимуму и докажу всем, что и наша машина может покорять тайгу, преград не зная. Удивительно, но меня почти не отговаривали, предупредив, что стоить такая блажь будет весьма дорого. Собственно, так и получилось: на весь обвес и апгрейд купленного стокового внедорожника мне потребовалось угрохать ещё две стоимости новой машины. Даже больше.

По совету тех же друзей я попробовал обратить внимание на легендарную «буханку», прежде всего из-за возможностей салона с его роскошным объёмом. При желании из «буханки» можно сделать настоящий внедорожный дворец на колёсах. Вот только изначально заложенную в конструкцию эргономику водительского места не исправить. С моими габаритами там было просто тесно. Да и ездить без капота как-то не хотелось. Как говорится, капот – это метр запасной жизни. Все работы и заботы по рождению «Монстра» я решил поручить своему старому другу Сереге Кузнецову. Сам он из знаменитого тверского офроуд-клуба «Лебедушка», где они с ребятами – коллегами из специализированной мастерской – только тем и занимаются, что готовят рядовые джипы к экстремальным покатушкам, обвешивают и комплектуют всем, кроме ракетных установок. Практический опыт у них огромный, много наработок, есть все связи, отслеживаются все новации и тренды.

Созвонившись, определил задачу.

Чем, спрашиваете, занимается этот странный заказчик? Да ничем, балду пинает.

Сидит себе да книжки пишет не торопясь в собственной избе-хозяйстве, труды псевдофилософские. Изредка приезжает в посёлок за припасом. Под избой – берег, моторная лодка, соответственно, есть рыбалка, а порой и охота. Но никогда не групповая, потому что он одиночка. Ездит по зимникам геологов и старателей в горки по плато, на затерянные таёжные озера и омуты, но тоже всегда в одиночестве.

Зимой по пухляку не мотается, для этого у него есть снегоход «Ямаха». В хозяйстве машина зимой стоит по-таёжному, то есть в сарае-гараже, что выполнен под одной крышей с домом, амбаром и двориком, буквой П. Дальние рейды случаются только летом и только для души. Максимальное расстояние пробега – четыреста километров в одну сторону, обычное – сто пятьдесят от своего зимовья до посёлка. Характер дорог: накатанная грунтовка-грейдер

в тайге, дороги поуже и похуже, а также автозимник. Максимально возможная автономка – неделя подледной рыбалки, пожалуй… И очень редко случается поездка по зимнику в Северо-Енисейский, с возможными остановками в попутном жилье. Бензин в поселке есть всегда, но есть риск нарваться на палёный, иногда бодяжат, как говорят.

Предварительно оговорив условия сотрудничества и общую концепцию будущей машины, я быстренько отогнал ещё даже не обкатанного «патриота» в Тверь, а далее созванивался и списывался с Серым в мессенджере. Изредка, в самых важных и ответственных случаях, когда вопрос нельзя было решить с помощью фото и видео, приезжал в Тверь лично, почти всегда давая добро на постоянно поступающие коррективы и новые предложения высокопрофессиональных специалистов.

Приятели настойчиво советовали сразу же поменять двигатель на японский. Серёга отговорил. Это потянет за собой другую коробку передач и раздаточную, обвес движка, приборные комплекты и электронные мозги. Сложно, идея отечественной машина, по сути, потеряется, а гонять джипу, по сути, негде.

А 409-й бензиновый движок давно испытан, надёжен, как ни крути, изучен вдоль и поперек. Гораздо проще с запчастями и починкой на месте или в поселковых мастерских. Понадобился чип-тюнинг, определённым образом изменяющий настройки двигателя. Дополнительно катализатор выбили, поставив пламегаситель. Итого на выходе получилось сто пятьдесят лошадок, хватит за глаза. Раздаточную коробку с понижением 1,9 заменили на раздатку в сборе с числом 3,3.

Новый «патриот» для начала раздели догола, разобрав весь салон, после чего провели водоподготовку и виброизоляцию, положив алюминиевую фольгу на битумной основе толщиной в четыре миллиметра и шумовую изоляцию специальной самоклейкой, обработав всё, чего только можно, включая панели. Боковые стекла в багажном отделении были заварены и утеплены.

В обоих мостах – электрические блокировки, подвеска изменена. По умолчанию в «патриота» спереди стоят пружины, а сзади рессоры. Что бы уменьшить вылет колёс, Кузнецов рессоры убрал, поставив пружины и туда. Задние тормоза – дисковые. Серёга не стал монтировать брутальный силовой обвес из металла в палец толщиной, заявив, что не нужно таскать с собой лишних двести килограммов веса, и заменил штатные бампера на композитные, которые малыми партиями выпускают под Владимиром. Весят они тридцатку, не уступая по прочности стальным.

Передняя лебёдка – на пять тонн. Задняя такой мощности вообще-то не нужна, обычно даже под спортивные задачи ставят слабее, но Серый и туда решил поставить аналог, для взаимозаменяемости. А я что, мотал на ус… Генератор он заменил на стопятидесятиамперный, аккумуляторов морского исполнения целых три штуки: два на питание машины и лебедок с системой управления, третий резервный – на отопление. Они, кстати, вышли дешевле, чем аналогичные для авто. Фортели маркетинга.

Единственный штатный пластмассовый бак, который фирма устанавливает в последние годы, был безжалостно выброшен, ему на смену пришли два из старой схемы, но уже из нержавейки от фирмы «САМоВАР», шестьдесят один литр в каждом. Тут мужики внедрили инновацию, вариант технически сложный, раньше они такого на «патриотах» не делали, только на тойотовских машинах. Штатно в «патриоте» стоит один бензонасос. С двумя баками обычно топливо переливается в бак с бензонасосом. Ребята пошли дальше – мало того, что смонтировали принудительный перелив, включаемый из салона, так и воткнули второй бензонасос – получилось по одному на каждый бак. Это позволило создать полностью дублированную систему топливоподачи, что есть критически важная опция, если существует вероятность залить в один из баков какое-нибудь дерьмо или повредить топливопровод.

О таких банальных вещах, как экспедиционный багажник на крышу и шноркель, можно было бы и не упоминать, не будь в багажнике выдвижной платформы, а шноркелей у «Монстра» два, второй осуществляет забор воздуха для печки.

Учитывая шесть месяцев зимы – естественную норму для региона эксплуатации, особое внимание мастера уделили отоплению и обогреву. «Монстру» был подарен предпусковой автономный подогреватель двигателя автомобиля Webasto с предварительным подогревом картера. Многие считают это излишней опцией на бензиновом двигателе, но мне посоветовали машину жалеть и беречь. Система независимого фена имеет свой десятилитровый бак. Если основному баку наступят кранты, то для печки останется запас на двадцать часов работы.

Дополнительный свет – это целая программа! На бампер Сергей поставил три круглые LED-фары, причём не банально с кнопкой «вкл-выкл», а с переключателем режимов: только штатный дальний, только дополнительный дальний и оба вместе. Управляются они с обычной позиции включения дальнего света. Такая схема позволят и моргать, и выключать на рефлексах, быстро, без поисков дополнительной кнопки. На багажнике стоит световая балка – по два десятиваттных LED-фонаря вперёд и назад, эти уже на своих выключателях.

В процессе решения проблемы светового обустройства возникла интересная тема. В аутдоре бывают внештатные ситуации, когда водитель жалеет, что у него не разбиты задние фонари… Соответственно, у мужиков из мастерской появилась особая услуга, прозванная «Пакетом браконьера» – отключение всей задней полусферы освещения: стоп-сигналов, подсветки приборов, салонного света, всех поворотников и всякой мелочи. В последнее время, как утверждают мужики, такой пакет пользуется устойчивым спросом.

С этого момента начались особые работы по скрытности. Как известно, автомобильные окна в лунном свете очень сильно бликуют. Поэтому снаружи часть стёкол была оклеена специальной антибликовой пленкой. Она не прозрачная, сплошная, но вся в мелких отверстиях. Изнутри видно, снаружи нет. И никаких бликов. Мне действительно хотелось получить машину с максимальными маскировочными свойствами, и в то же время уйти от дурацких пятнистых камуфляжей.

Чем сложней внешняя среда, тем выше вероятность процарапать кузов до металла и запустить процесс коррозии. Штатная краска там, где нет дорог, уже не спасает, приходится использовать дополнительную защиту, которая выглядит серьёзно, брутально. Это вам не блестящая восковая полироль, а шершавый защитный слой, броня. Встречая в Москве такие машины, я думал покрасить джип краской Raptor серого цвета, что и сообщил Кузнецову. А потом всё вышло, как обычно – мои гениальные идеи были отвергнуты, и «Монстр» был покрашен американским защитным покрытием LINE-X. Свойства его оптимальны для автотранспорта, а эффективность доказана и проверена российскими джиперами. Бывало так, рассказывали мужики, что после тяжелого бездорожья машины привозили на ремонт с серьёзными повреждениями, но с целым защитным покрытием. Наносится оно в горячем виде, по виду – нечто среднее между резиной и пластиком, и реально лучше защищает авто от гниения ударов и царапин, чем Raptor. Серый цвет тоже был раскритикован, «Монстр» получился светло-коричневым, что было призвано лучшим решением для тайги во все сезоны.

Теперь о колёсах, тут тоже были искания и сомнения. Начали с зубастой резины 33 дюйма (285/75/r16), решив, что особо большие колёса ставить не стоит. Случись что, и поменять резину, скажем, размером 38 дюймов в одиночку просто нереально. Даже запаску не скинешь.

Вот и славно, я всё принял. Беда в том, что мужиков, получивших возможность под безропотно открывающийся кошелёк воплощать все свои наработки и фантазии, уже несло! Всего через недели планы поменялись, и они решили поставив на мой «патриот» колёса низкого давления на 33 дюйма с рабочим давлением в 0,6 атмосфер. Плюсы были заявлены следующие: колёса очень мягкие, на болотистых грунтах, как и на снегу, превосходят конкурентов, покрывая возможности обычной резины, как бык овцу. Минусы тоже есть: резина тяжёлая, процесс

бортирования очень трудоемкий. Хотя станок или танцы с монтировками здесь не нужны, диск сборный, сиди себе, да крути гайки… Конечно, такая резина не для города с его покрытием и скоростями, так ведь и городов поблизости не наблюдается.

После окончания основной части работ я подошёл к красавцу и испугался, встав рядом с огромным джипом высотой в два с половиной метра!

– А как же его поднимать-то?

– Не паникуй, писатель, – хмыкнул Серёга как ни в чём не бывало. – Реечный домкрат. Будет тебе хайджек в полтора метра, плюс добавим переделку передних проушин для поднятия морды. Сбоку можно цеплять за пороги, на корме – силовой бампер, в котором предусмотрены места для хайджека.

Машина оказалась укомплектованной по максимуму.

Кроме стандартного ЗИПа и обычных шанцевых инструментов, в багажнике лежит спортивный якорь для работы с лебёдками, небольшая бензопила и мощное пуско-зарядное устройство Aurora Atom 40, предназначенное для запуска двигателей легковушек и всякой мелочи, а в режиме 24В незаменимо для запуска грузовиков. В качестве средства связи используется цифровая радиостанция Kenwood, совместимая с аналоговыми системами, есть автомобильный навигатор Garmin с большим экраном и две видеокамеры регистратора, в специальной нише лежит армейская ракетница десятого калибра и пяток патронов красного огня.

В качестве аварийной системы связи у меня припасён спутниковый телефон «Иридиум» в форм-факторе моноблока, по внешнему виду мало чем отличающийся от обычного мобильника. Это проверенная надёжная вещь, позволяющая оставаться на связи даже в самых глухих захолустьях, которой я почти не пользуюсь, лишь изредка проверяя её работоспособность. Помню, в первые месяцы отшельнической жизни руки аж зудели от желания кому-нибудь позвонить. А потом ничего, привык, период цифровой детоксикации сознания быстро закончился. Обычно устройство лежит дома, но я могу взять его в лодку или в поездку.

Вот чего нет в машине, так это системы «Эра-ГЛОНАСС», которая работает только в зоне покрытия GSM. То есть работать будет лишь в пределах долины, в которой расположен посёлок. А без GSM-связи эта система, не привязанная к конкретному мобильному оператору и не имеющая по-настоящему автономного SOS-пейджера, ничего и никому не сообщит.

После всех переделок бывший рядовой «патрик» выглядел сущим чудовищем. Ещё три года назад подобную машину практически невозможно было построить официально. Долбанный технадзор не допускал подобного перепиливания, что стало причиной народного гнева. Официально внести серьёзные изменения для офроуда в конструкцию транспортного средства было нереально, по регионам за индульгенцию полиция драла с владельцев три шкуры. Но люди всё равно катались, особенно в провинции, так или иначе обходя глупые запреты. Поняв бесполезность и даже вредность этой борьбы, власти наконец-то дали задний ход, а внедорожному люду случилось долгожданное послабление. Теперь всё капризы разрешаются прецедентными экспертизами и уже вполне легальными платежами.

Вроде бы ничего не забыл, всё важное упомянул. Теперь, когда я представил моего верного компаньона, ещё одного участника всей этой истории, мне нужно уезжать из этого оазиса цивилизации.

Глава четвёртая. Происшествие на Людоеде

Дорога на прииск «Удачный» начинается сразу за последним домом посёлка с восточной стороны, самым странным и приметным, как я считаю. Да и не только я. Когда-то это был один из жилых домов с парой развалившихся сараев. Теперь большая часть квартир к проживанию совершенно не пригодна, хотя в отдельных помещениях изредка проживают новенькие, только что приехавшие в Кресты. Дом, как и прилегающий к нему вплотную ближайший сарай с уродливым чёрным пятном в разрушившейся стене, заключён в прямоугольник давно упавшего забора.

Здесь находится что-то типа очень временного общежития, уж больно быстро жильцы отсюда сматываются. И, знаете, я их отлично понимаю, потому что старая бревенчатая двухэтажка выглядит жутковато, даже мимо проезжать боязно. Целых окон в доме почти не осталось, следов краски на крыльце единственного подъезда тоже. Из всех предметов, символизирующих принадлежность строения к живому миру людей, остался синенький почтовый ящик, висящий на стене дома. По-моему, никто из таёжников, ныне живущих в Каменных Крестах, не видел, чтобы из этого ящика когда-либо забирали почту.

Если каким-то образом человек впервые будет въезжать в Кресты с этой, восточной стороны, то его встретит запустение и явные признаки отсутствия здесь хозяина. Но уже через сотню метров можно будет заметить играющих поблизости от развалин детей, которые играют здесь чуть ли не каждый день. Я только что проехал мимо стайки по-деловому настроенных мальчишек с деревянными автоматами в руках, выпиленными зацело из кусков обрезной доски. Наверное, такие артефакты из прошлого века теперь можно встретить только в таёжных посёлках.

Пацаны были в застиранных футболках и клетчатых рубашках с короткими рукавами, комарьё им ничуть не мешало. Местные… Детишки настолько увлеклись правильной военной игрой, настолько органично они жили в мире своих героических фантазий, что в голове неожиданно мелькнула шальная мысль: «А что если и тебе завести такого чертенёнка?» Мелькнула и тут же спряталась, сама себя испугавшись.

Это, пожалуй, единственное неприятное для меня место по дороге домой. Не понимаю, почему уродца до сих пор не снесли решением поселковой администрации, порой самому спалить хочется. Рано или поздно что-то подобное и случится – сгорит или обрушится. Всё-таки зря родители разрешают детворе тут болтаться, ох, зря.

В этот раз мне опять что-то не понравилось.

Единственная дверь была приоткрыта – уже необычно. Дверной пружины там нет, спёрли для хозяйства, такая вещь всем нужна. Однако сама дверь всегда закрыта, я обращал на это внимание. Кто-то заселяется? А-а! Кажется, понял! Журналисты и вольные искатели приключений, пассажиры прибывающих одна за другой вертушек, после тщетных поисков нормального жилья решились поселиться именно здесь! Вот только оживления на местности что-то не видно.

Я почему-то остановился, хотя в этом месте никогда так не поступаю, уже изучив здание, и опустил стекло пассажирской двери. Нет, что-то тут не то, не будет компания приезжих сидеть тихо, если они внутри, и не оставит дверь распахнутой, уходя бродить по посёлку. Тут дверь громко скрипнула, чуть сдвинулась, и в тот же миг я ощутил на себе тяжёлый взгляд неизвестного наблюдателя. Как это бывает в таких случаях – полной уверенности, что на тебя смотрят, ещё не появилось, а неприятные ощущения уже возникли. Наклонившись через сиденье, попытался высмотреть источник вымышленной или реальной опасности.

Чёрт, похоже, я знаю, откуда так тяжело смотрят. Вон из того ряда пустых оконных глазниц, что справа! И это не ребёнок с деревянным автоматом в руках. Тревожный покалываю-

щий холодок пугающе пробежал по предплечьям, я резко выпрямился, одновременно поднимая стекло.

– Да пошёл ты… Памятник старины нашёлся, Собянина на тебя нет, – с этими словами я включил передачу и, несколько нервно поглядывая в зеркала заднего вида, быстро поехал дальше.

Дорога углублялась в тайгу с довольно крутого поворота, изгибаясь так, что створ было не видно и с сотни метров. Р-раз! Уверенный поворот руля, и машина уже зажата в тенистой просеке меж высоких сосен.

Здесь очень хорошая трасса, грунтовка-мечта. Мало по ней транспорта ходит. Чаще всего это два «крузака» безопасников, пара японских пикапов руководства «Удачного», оранжевый бортовой КамАЗ снабженцев, зелёная «Шевроле-Нива» или мотоцикл промысловика Новикова и мой джип. Встречаемся на трассе, можем перекинуться парой фраз. Изредка по грунтовке медленно перевозят на трейлерах тяжелую землеройную технику, после чего по трассе проходит грейдер, а следом К-700 с пневмокатками. Говорят, что дорога на второй прииск похуже будет, но я там не катался, так что подтвердить или опровергнуть не могу. А вообще мне по барабану, на таких-то колёсах.

Дорога с легким уклоном спускалась в нижнюю долину. Посёлок стоит на небольшом плато, поэтому его и облюбовали вояки, здесь даже с небольшой вышки отлично видно всю округу. Наверное, это нужно для задач РЛС.

Первая достопримечательность пути – Галина речка или Галина. Этимология названия до сих пор остаётся для меня загадкой. Что это была за Галя, и какая таинственная история с ней приключилась… Несколько человек из старожилов, которых я спрашивал, ответ дать не смогли. Пожалуй, не такие уж они и старожилы. Сам же я местным краеведением пока не озабочен, интересуюсь им лишь чуть больше нормы ленивого любопытства. Может, эта самая злосчастная Галина замёрзла здесь в лютые холода, когда перед Новым годом в лес за ёлочкой ходила. Или волки съели, они здесь водятся, серьёзные зверюги.

В это время года Галина – действительно нормальная речка, которая к жаре и засухе середины лета превратится в ручей. Нужно уточнить: здесь частенько можно встретить и стоящие машины. Галина речка – та точка трассы, восточней которой поселковые в своей размеренной жизни мотаются редко. Если спуститься по течению на лёгкой лодочке или пройти вдоль берега по тропе, то ближе к Таймуре, в которую и впадает речушка, можно попасть к огромным ягодным и грибным полянам, где на десятисантиметровой толщины белом ягельном ковре тут и там торчат шляпки отборных боровиков. Местные их промысловым образом собирают, сушат и солят в специальных пластиковых контейнерах с широким горлом. Очень вкусные у них получаются грибы, кстати.

Это единственная серьёзная водная преграда на пути к прииску, и артельщики подошли к решению проблемы переправы ответственно, перекинув через поток капитальную мостовую ферму из швеллера. Перед ней мотоциклы с коляской и квадроциклы останавливаются для традиционного совершения интересного промыслового обряда, древнего, проверенного, как утверждают сами практикующие. Если на любом промысле кому-то сильно не фартит, то промысловики для очищения от сглаза окуривают себя. Для этого зажигается маленький костёр, собранный обязательно из наносника, то есть леса, выброшенного рекой на берег. На него кладут девять еловых веточек, собранных в разных местах и с девяти разных деревьев. В густом дыму надо постоять самому и подержать ружьё или промысловую снасть.

Я тоже как-то по приколу и себя окуривал, и оружие. На каменистых берегах много деревьев, в хороший паводок выброшенных речкой повыше, так что найти разные стволы не представляет сложности.

После Галиной речки дорога снова пошла вверх, поднимаясь на небольшую сопку с непроизносимым названием Ингдемакит, которую местные альтернативно называют Пупырём. Собственно, так она и выглядит, пупырь и есть. Поваленных деревьев на трасе не видно, их заботливо убирают. Грунтовка, огибавшая холм поверху, ровная, неплохо спланированная, вся такая свеженькая, с минимумом следов от колёс. Вот и вершина – большая чистая поляна, с которой панораму видно градусов на сто шестьдесят. Красотища вокруг такая, что так и тянет постоять подольше.

На поляне было свежо. Принося с запада чистый, почти без запахов тайги воздух, по сопке гулял легкий прохладный ветерок. На такой высоте всегда мало комара и мошки, хочется остановиться и, сладко потягиваясь, выйти из машины, что я и делаю каждый раз. Сняв кепку, выбрался наружу, подставляя ровному потоку свежевыбритую голову.

С высоты дорога отлично просматривалась почти до выхода к Каменным Крестам. Все повороты и изгибы видны, как на ладони. К югу – Таймура-девочка, которая петляет по тайге так, что с полной уверенностью и не поймёшь, куда она направляется. Я попытался в бинокль прочесать доступный взгляду отрезок речной акватории, но безуспешно, высокие деревья часто закрывали берег. А нет, одну моторку всё-таки заметил!

На север от меня зелёными волнами заполняла горизонт бескрайняя тайга, вдали, чуть повыше общего рельефа, виднелась гряда холмов. Где-то там течёт Нижняя Тунгуска, шишковская Угрюм-река.

С началом спуска пейзаж изменился.

Деревья на северной стороне Ингдемакита поменьше, а ветви пожиже, по обе стороны от дороги лес просвечивается на добрую сотню метров. Внизу меня поджидало ещё одно приметное местечко. Там, по левую сторону и чуть выше, почти идеальным квадратом разлилось таежное озеро, на всех топографических картах обозначенное, как Самоедское. В этом озере много карася. Весной и во время дождей из него вытекает Самоедский ручей, или Самоед, почти не перекрывающий дорогу. Несколько необычный гидроним, ведь исторически племена самоедов проживали севернее. Тем не менее есть свидетельства проникновения самоедов на исконно тунгусские земли, и вот одно из них, рядом.

Здесь местные жители вопрос с названием решили по-своему, не принимая официальную картографию. Долгое время русские поселенцы искренне считали, что самоеды поименованы так вследствие каких-то пагубных каннибальских привычек. Ни объяснения урядника или священника, ни рассказы собственных детей, обучающихся в школе Енисейска, что всё дело в самоназвании «самоди», характерное для группы уральских племён, их не убеждали.

Так и получилось, что с давних пор слово «Самоед» было заменено на хорошо понимаемый в свете предрассудка топоним «Людоед», которым называют не только озеро и ручеёк, но место вообще. Так и говорят: «Пробил колесо на Людоеде, а запаска спустила», «На Людоеде большого лося видел, выстрелить не успел».

Машина ехала медленно, спуск есть спуск, на нём разгоняться не нужно. После пары поворотов дорога опять выпрямилась, и открылся вид на Людоед. Рядом с небольшой площадкой за ручьем с группой пеньков, местом кратковременного отдыха водителей, торчал когда-то и кем-то вкопанный столб непонятного назначения из ошкуренной лиственницы. Словно здесь маяком для путников собирались повесить одинокую лампочку, да передумали. Левее валялась почти полностью проржавевшая и сильно помятая зимой кабина ГАЗ-52, давным-давно брошенная здесь за ненадобностью.

И два внедорожника безопасников, застывшие рядом.

Причем стояли они так, словно внизу что-то случилось: поломка в пути или авария. «Лендкрузеры» одинаково новенькие, приобретённые одновременно, и отличить их можно только по номерным знакам. Но почему-то я сразу понял, где есть кто. Первый джип стоял

нехорошо, под углом, прижав корму к обочине и выставив морду так, что почти перегораживал проезжую часть. Это была машина старшего группы, именно с ней что-то и произошло.

Внедорожник Гинзберга подъехал к Людоеду позже и остановился позади, ровно, корректно, как и положено.

– Что ж не убираете-то, чекисты? – проворчал я. – Мне по канаве лезть? Ага, щас…

Тем временем странные детали продолжали проявляться, насыщая ситуацию тревогой.

Людей возле машин не было.

Никто не возился с запаской и домкратом, не распаковывал укладку ЗИПа, не бегал вокруг с незлой тихой руганью и ценными советами. Странно. Значит, всё-таки это дорожная авария, может даже с пострадавшими.

Я включил рацию и уже собирался вызвать Николая, как тот меня опередил.

– Никита, это ты там наверху маячишь? – прозвучал в динамике его глуховато изменившийся в тембре и отчего-то сильно напряжённый голос.

– Я, кто же ещё. Что у вас стряслось?

– По дороге кто-нибудь попадался навстречу? Приём, – вместо ответа он быстро задал свой вопрос. – Кто или что угодно, хоть квадрацикл или мотоцикл.

– Никого, чистая дорога, одни зайцы. Да что случилось-то?

– Принял. Жду тебя. Подъезжай, вставай за мной. – Водительская дверь второго джипа открылась. Гинзберг высунулся, глядя в мою сторону, свесил ноги наружу и, растягивая витой шнур тангенты-микрофона, продолжил: – Малым ходом. Посмотри сверху, нет ли техники в обзоре. И оружие приготовь.

– Это еще зачем? – удивился я, останавливая машину и затягивая ручник.

– Много лишних вопросов задаёшь, Никита. Сейчас сам всё увидишь.

– Услышал. Осмотрюсь и подъеду.

Да что там осматриваться! И без этого знаю, что никого поблизости нет, насмотрелся. Не люблю такие загадки. Конечно же, я разволновался и, признаюсь честно, даже немного растерялся. Нет никакой необходимости подкатывать с заряженным стволом к месту аварии, пусть и с пострадавшими. Не добивать же придётся… Вот зараза-то какая, во что я влип? Или вот-вот влипну?

– Осмотрелся, Коля, никого не видать, спускаюсь.

– Принял.

Положив тангенту на пластиковое крепление, я потянулся за тройником.

Была у меня идея разместить кронштейн для оружия на потолке салона. Серёга Кузнецов отсоветовал, они такое не делают. В средней полосе это вообще верный залет при проверке, да и потолок у «патриота» так себе, не слишком высокий. Рассматривался и вариант размещения оружия вертикально между передними сидениями, за подлокотником, на торце. Для этого к чехлу сидения снизу крепится небольшой мешок под приклад, сверху – простой хлястик на липучках для фиксации ствола. Видел пару таких решений на фотографиях, выглядели они неплохо.

Конечно, столь пафосное и дорогое оружие, как у меня, надо бы возить в родном кейсе, а не в креплениях, однако я подходил к делу без должного пиетета настоящего ценителя – не дорос ещё, – а чисто утилитарно. Чтобы удобно было, это главное. Наконец, после примерок и жарких обсуждений, оружейный кронштейн встал на торпеду, справа от коробки переключения передач. Если ты ездишь в машине один, то вполне нормально, пассажир ружью не мешает. А подвезти кого-либо я могу исключительно в посёлке, при этом сильно удивляясь каждому такому случаю. Не больно-то бирюка и просят.

Быстро зарядив все стволы, я сунул в карман еще пару-тройку картечных патронов.

Кажется, понял, в чём дело!

Медведи их взяли в осаду после поломки, где-то рядом ходят хищники!

– Гениально, Ватсон! А «Сайга-12К» справиться с медведями, конечно же, не может, – ворчал я вслух. Как удобно, сам предположил, сам же и парировал, и стороннего ехидного критика не нужно. – Три «Сайги» у трёх подготовленных мужиков. Тебя, чак норриса, ждали… В качестве кавалерии. Ладно, разберёмся.

Николай – профессионал своего дела, человек с большим соответствующим опытом. Раз он сказал подготовиться, значит, так и нужно сделать.

– Стоп, Никитос, не суетись, нет ли здесь подставы? Тогда тем более полезно вооружиться, – предупредил я сам себя.

На Людоеде я остановился так, как и сказал Коля, выскочив из машины с «зауэром» в руке. Гинзберг уже был рядом. Лицо каменное, глаза нехорошо прищурены, на шее висит «Сайга».

– Пойдем, Никита, у нас нападение, – быстро бросил он и пару раз кашлянул, стараясь прогнать хрипоту.

Оглушил!

– Какое нападение? На службу безопасности? Шутишь… – глупо молвил я, послушно шагая следом.

Гинзберг молча открыл дверь первого внедорожника, наполовину опущенное стекло которого было пробито двумя пулями. Водитель с простреленной головой ничком лежал на баранке. На стекле капель крови было немного, вся она стекала на кожаный руль и пятнистые штаны убитого, собираясь в коврике страшной багровой лужей.

Охренеть! Уже сворачиваться начала, сгустками! К горлу тут же подступил рвотный спазм.

– Эй, ты как, норм? Не уплывёшь?

Я часто закивал. Трупы видел, и не один раз. Просто неожиданно. Слишком неожиданно! А ведь день так спокойный начинался… Продолжил осмотр и увидел, что «крузак» пробит в нескольких местах.

– Атаковали их двое, из засады, – он рукой показал на ивовые кусты, растущие с правой стороны грунтовки. – Один был с шершавым стволом, калашоидом или СКС, гильзы 7,62×39. Он плотно и быстро стрелял по парням. Хорошо, в общем, стрелял, сволочь, Гарик и Леха ушли сразу.

Второй безопасник бесформенно оплыл на пассажирском сиденье внедорожника, его голова была откинута назад. Ясно, что оружия экипаж взять в руки не успел, всё произошло внезапно и скоротечно. Они даже подумать толком ни о чём не успели.

– Второй нападавший синхронно бил тяжёлой пулей по капоту, стрелял из помповика «Моссберг-500» с пистолетной рукоятью. Сделал не меньше шести выстрелов.

– Откуда знаешь про «моссберг»?

– Чего ж тут знать, если этот гаврик там лежит, за джипом, у обочины. Мёртвый он. Так что… – без продолжения пояснил Николай.

– Твою мать…

Три трупа, настоящая бойня.

– А его кто вальнул?

Странно посмотрев на меня, Гинзберг что-то буркнул неразборчиво, выругался, а затем пригласил или приказал ещё раз:

– Иди за мной.

Труп бандита лежал метрах в десяти от места хладнокровного безжалостного расстрела, отброшенный чуть в сторону помповик оказался почти полностью скрытым травой. Одежда на мужике обычная: просторные брезентовые штаны бежевого цвета с боковыми накладными карманами, расхожие отечественные берцы чёрного цвета, из самых недорогих. Короткая куртка коричневой кожи.

– Видишь? А второй, что с нарезняком, ушёл, – тихо, словно боясь кого-то спугнуть, пояснял безопасник. – Непонятно только, пешком или на каком-то транспорте… Смотри внимательно.

На спине убитого зияла страшная, чудовищная рана. Огромный, словно раскрытый для демонстрации кровавого результата разрез с разваленными в стороны вручную или специальным инструментом краями начинался на шее и тянулся аж до самого копчика. Куртка была располовинена вместе со спиной, одним мощнейшим ударом, взмахом. Красное с белым. Как саблей!

– Шашка казацкая? – выдохнул я, сосчитав до семи. Только енисейские казаки имеют такое оружие. Медведь подобное не сотворит, даже самый большой.

Безопасник почему-то не отвечал.

– Алло, Колян! А что это было?

– Понятия не имею, никогда не видел удара саблей или шашкой такой адской силы, – наконец честно признался Николай. – По-моему, тут что-то другое. Не такой узкий клинок, широкий. Ты пальцы внутрь сунь, там на десять сантиметров развал.

– Да ты совсем охренел, что ли! Какие пальцы?! В труп? Коля, бляха, кто или что это сделало?

– Хотелось бы понять, а как? – всё тем же тихим голосом, то ли отвечая на вопрос, то ли произнося это вслух только для себя, ответил Гинзберг. Он неторопливо, с демонстративным спокойствием стащил с головы кепку с логотипом фирмы и энергично взмахнул ей, словно отряхивая.

– Что за муть тут творится? Ты пальцем покажи в сторону подозреваемых! Бандиты залётные или зверь?

– Никитос, ты тупой?! – заорал и он. – Слепой, глухой? Не знаю я, не знаю! Сам пальцы сунул внутрь и тут же отскочил, потом две минуты руку вытирал! Мне и сейчас очково к нему подходить, ты один вздрагиваешь, что ли? Как огнём обожгло! Кто-кто… Саблезубый тигр! Маньяк с секирой! Живорезы эти паскудные, про которых трындит каждая баба в Крестах!

– Живорезы… – пробормотал я, тут же вспомнив разговор с Гумозом.

– Пошли на ту сторону, покурим, – сплюнув на землю, предложил безопасник. – И начнём действовать.

В последний раз я курил с полтора года назад, на одной запомнившейся пьянке с гитарами и девочками. Но отказываться не стал, сейчас моим перегретым, готовым вскипеть мозгам был нужен какой-нибудь наркотик.

– Так, Бекетов, давай подытожим хоть что-нибудь. Я приехал сюда за двенадцать минут до тебя, по трассе шёл достаточно быстро, рассчитывая догнать их после Людоеда. Падла такая, не выстраивается цепочка событий! Как вообще всё это могло произойти? Они тоже двигались быстро. Кусты жидкие, второй человек должен заниматься наблюдением, а водитель при инциденте сразу дает полный газ. Разбежка воздействий должна быть, вот что, Никита, даже если они сразу начали попадать по машине! А тут, считай, всё пятном, всё предельно компактно.

– Они тебя дожидались, вот и остановились на Людоеде. И стали удобной мишенью, – догадался я.

– Может, и так. А дальше что было?

С полминуты мы тупо молчали, обдумывая одно и тоже.

– Золото забрали? – этот вопрос у меня всё-таки вырвался.

– Ну, ёлки… И ты туда же! – заревел Николай медведем. – Не было никакого золота, не возим мы его! Золото – это очень серьезно, это особый регламент! Не такими силами и средствами, с ответлицом, это протокол!

– А вообще что-нибудь пропало?

– Вот… В том-то и дело, что пропало. Папка с документами.

– Только не говори мне, какими, – быстро попросил я.

– И не скажу. Правда, я не представляю, что они с этими бумагами будут делать.

– Шантаж?

– Эх… Короче, с начальством связаться нужно. Пробовал отсюда, но рация не цепляет.

– На Людоеде никогда не цепляет, – со знанием дела подтвердил я, – тут впадина. Озеро же.

– Говорил я нашим, что давно надо бы на Пупыре репитер поставить… А они про нерациональные затраты втирают. Вот и дорационалились.

– У меня спутниковый «иридиум», позвонить не проблема. Гарантирую. Достать?

– Нельзя по открытой связи, инструкция, – покачал он головой, как мне показалось, с сожалением.

– Это же через спутник пойдёт, в цифре, всё и так шифруется. – Я неплохо представляю, насколько хорош прошедший все проверки аппарат Iridium Extreme со стандартами IP68 и MIL-STD-810G, но Николай видимо считал иначе.

– Какая разница? Бить меня командиры будут не за спутник или почтальона с сумкой на ремне, а за нарушение конкретной инструкции и утечку данных! Только по своей рации могу, на закрытом канале. А начальство потом пусть себе думает, сообщает хоть участковому, хоть ФСБ, это их проблемы… Никита, я за первые минуты отпсиховал, вот зачем ты меня опять заводишь?

– Дурь это, Коля. Здесь три мертвеца с криминалом, один маньяк всё ещё бегает по тайге, а мы капитану не докладываем.

– Не тупи ты! – взмолился он. – Что, предлагаешь сразу заяву на увольнение написать, без выходного пособия и штампом «не годен» на всю жизнь?

– Да нет, конечно… – стушевался я.

– Во-во. Мне решение с себя скинуть надо, и не на Храпунова, а по инстанции. В общем, я поехал на горку, а ты жди здесь. Никаких шансов, что это чёрт вернётся, забрав такую папку, но всё равно, по сторонам-то поглядывай.

– Это ты здорово придумал! То есть я должен здесь торчать и ждать этих живорезов в качестве очередной жертвы?

– Да не очкуй, никто не вернётся, дело сделано. Никита, ну чисто ради дружбы! А я на вершину.

– Уже на полпути должно схватить, – торопливо посоветовал я. Оставаться здесь одному мне по-прежнему хотелось меньше всего.

– Там надёжней, несколько лишних минут.

– Подожди-ка! – я окликнул его, вспомнив об ещё одном важном моменте. – Вы камеру с собой возите? Фотоаппарат с функцией записи видео? У меня только регистратор. Давай я тут всё зафиксирую, пока ты ездишь. Приедут, затопчут… Можешь и себе лично копию оставить, на всякий случай. Чисто для страховки.

– Копию? Это ты хорошо придумал! – обрадовался Гинзберг. – Есть у меня и камера никоновская, и ультрабук, снимаю иногда живность всякую для дочки. Сейчас достану.

Через минуту тяжёлый «лендкрузер», ловко развернувшись на дороге, поехал на запад, а я остался единственным живым участником этой чудовищной мизансцены.

Вернувшись к «Монстру», быстренько пополнил боеприпас, при таких раскладах это не лишнее. Взял переносную дублирующую рацию, чтобы оставаться на связи, будучи вне машины, и, постепенно привыкая, уже без приступов тошноты приступил к собственному осмотру, сидеть без дела было неуютно.

Первые минуты я не мог заставить себя заниматься повторным осмотром, напряжённо посматривая во все стороны. Не вернутся… А вдруг? Наконец, задрав капот, осмотрел пробитый блок двигателя. Не могу сказать, насколько нападавшие были профессионалами сво-

его дела, но сработали они слаженно, грамотно. Картечь стрелки применять не стали – может застрять, а в обвесе движка нет ничего критичного. Картечью, даже крупной, можно при большой удаче выбить охлаждение или одновременно вынести аккумулятор и генератор, но это весьма маловероятно, ставку на такое не сделаешь. Влепить точно в мозги? Так они размером десять на десять сантиметров…

Сначала я нащёлкал кучу снимков в разных ракурсах, крупным планом и детально, затем принялся снимать длинные ролики одним кадром. И чем больше вглядывался в детали, тем быстрей некоторые предположения перерастали в уверенность. Конечно, на месте происшествия должен поработать эксперт или настоящий следопыт, однако могу сказать точно: внедорожник безопасников или уже стоял на месте, или останавливался. Могли и подкинуть что-нибудь на дорогу, дабы привлечь внимание. А потом убрать.

Картина побоища становилась понятной. Кроме самого последнего эпизода с разделанным вдоль хребта налётчиком, когда в дело вступила некая третья сила. Но какая именно, чёрт возьми?! Объявилась она внезапно, наказала одного из победителей, не позарившись при этом ни на отличные полуавтоматы безопасников, ни на импортное помповое ружьё.

Уже перестав нервно реагировать на кровь, я опять подошёл к телу изувеченного бандита и наклонился с камерой перед глазами. Через объектив, как оказалось, смотреть на такую мясорубку гораздо проще. Возникает спасительное чувство, что всё это происходит не наяву, а на небольшом экране смартфона при просмотре видео с ютуба. Сняв тело сверху, я присел, а потом ещё и пригнулся, стараясь заснять в профиль. Сбоку адский разрез выглядел всё таким же ровным, никаких задиров – словно по телу полоснули гигантской бритвой.

Фу, всё, хватит! Убрав от лица фотоаппарат, я опустил взгляд и обратил внимание, что правая пола разрезанной куртки лежит на земле как-то неровно. Что-то еле заметно выступает. Высвободил из-под тела, приподнял край и замер.

На обрезке поясного ремня висела кобура командного состава РККА из светлой кожи для ношения на поясном ремне. Добротно сделанный пистолетный домик чуть выцветшего бежевого цвета с шомполом сбоку и кармашком под запасной магазин. Рядом висел чехол со вторым запасным магазином.

Ух, ты!

Щёлк! В кармане на приём включилась радиостанция.

Твою душу… Конечно, это самый подходящий для радиосвязи момент!

– Никита, приём. Слышишь меня? Ты в канале?

Я вздрогнул, быстро оглянулся и поэтому отреагировал не сразу.

– Бекетов, здесь Гинзберг, приём. Слышишь меня?

– Хорошо тебя слышу, – ответив, я замолчал, уставившись на зажатый в левой руке большой чёрный пистолет ТТ. Тульский Токарев.

– Я стою на самом верху. Докладываю: со своими связался. Всё удачно, вертолёт находится на прииске, так что минут через тридцать моё начальство примчится на вертушке. Участковому они уже сами сообщат. Как понял?

– Понял, – скупо бросил я, будучи не в силах оторвать глаз от знаменитого оружия. Ведь никогда не испытывал особого влечения к короткостволу! А тут прилип, как ребёнок.

– У тебя как?

– Всё тихо, посторонних не замечено, работаю кинорежиссёром документального кино, пожалевшего о контракте. Уже изблевался и изматерился… Давай-ка ты назад, тебе ещё материал с камеры надо снять.

– Никита, а ты можешь сам скинуть? Ультрабук в машине, ничего секретного там нет. Шнур в кейсе. А то ещё не успею…

– Ладно, тогда конец связи.

Я понял. Это один из тех самых неизвестно где подрезанных бичами ТТ, о которых мне рассказывал искуситель Гумоз. Наверняка из одной криминальной партии, тут вам не оружейный супермаркет. И каждый, кто к этим стволам прикасается, становится причастным к криминалу. Правильные послушные мальчики со скрипками так поступать не должны. Я это хорошо понимал, поэтому и боролся с соблазном так долго. Пару минут.

Номера на пистолете и магазине были снесёны чем-то вроде прямошлифовальной машинки дремель. Выщелкнув обойму и патрон из патронника, я понюхал дульный срез. Запах еле уловимый, сегодня из этого ТТ точно не стреляли.

– Хрен там вы угадали, назгулы! – противозаконное решение я принял неожиданно легко и просто.

Наверное, подсознательно мне очень хотелось ответить положительно на заманчивое предложение идейного бича. Тогда сдержался. А теперь… Нет уж, здесь у вас чёрт знает что творится: какие-то отмороженные бандиты, охотники за золотишком, саблезубые тигры с остро заточенными секирами, бешеные казаки с шашками, зловещие живорезы… В то же время, как я вижу, каждый бичуган посёлка имеет пистолет!

Но более всего меня настораживала какая-то общая неясность происходящего. Кирпичики никак не складывались. А непонятное всегда пугает человека больше всего. Хочется защититься.

– ТТ не отдам, – закрепил я своё противоправное решение.

Значит, надо поторапливаться. Сняв кобуру, я аккуратнейшим образом вправил кусок ремня обратно и, протерев на всякий случай опасные места от возможных отпечатков, вернул куртку в исходное положение.

Вот-вот на склоне появится «лендкрузер» Гинзберга. А он мог заметить кобуру? Нет, не мог, в этом я был уверен. Николай не стал бы заправлять край кожаной полы на место – ему-то зачем это делать? Сразу изъял бы, показав ствол мне, какой смысл утаивать?

«А такой же, как у тебя!» – мелькнула мысль.

– Тогда он тем более не оставил бы на месте, – вслух возразил я себе.

Выпрямившись, метнулся к «Монстру», надёжно спрятав трофей в одном из тайничков, после чего уже неспешно, старательно приводя себя в равновесие, занялся копированием файлов.

«Еврокоптер» приземлился на дорогу через десять минут после приезда Николая, а еще через полчаса на место происшествия прибыл для разбирательств хмурый, как туча, Сидор Поликарпович. Было видно, насколько капитан недоволен ситуацией вообще и поведением безопасников прииска в частности. Вместе с тем старый служака понимал, что требовать от золотоискателей соблюдения законопослушного алгоритма бесполезно. В этих краях местечковые понятия ничуть не менее строги, чем государственные уложения.

Чтобы скрыть волнение, я отошёл в сторону и прислонился к кузову своей машины, внимательно наблюдая за началом разбирательств. Момент, когда все подошли к порезанному секирой бандиту, отозвался во мне повышенным сердцебиением. Однако ничего страшного не произошло, пропажи пистолета никто не заметил. К счастью, меня особенно-то и не опрашивали, справедливо расценив, как обычного свидетеля второй волны, своими глазами ничего не видевшего, в момент происшествии здесь не присутствующего, а значит, существенными данными не располагающего. За съёмки, правда, похвалили, объявив, что «у писателя есть определённые оперативные задатки».

Уже всего через час я, быстро попрощавшись с мужиками, выдвинулся к месту назначения, медленно набирая скорость и размышляя, какой же всё-таки молодец мой старый друг Серёга Кузнецов, поддержавший идею о приобретении именно «патриота». А не престижного чёрного «Лендкрузера-200», по которым в тайге, как выясняется, открывают беглый огонь все,

кому не лень. Ведь нападавшие вполне могли принять меня не за того, кем я, писатель-почвенник, являюсь на самом деле.

Тихим мирным человеком с пистолетом.

Глава пятая. В зимовье полтора месяца спустя

Федор, огромный сибирский кот с умопомрачительными усами и хвостом трубой, всегда точно чувствует момент, когда я действительно собираюсь вставать с постели. За секунду до того, как пуховое одеяло будет со злой решимостью отброшено к окну, он спрыгивает на грубый дощатый пол и начинает громко орать противным голосом, требуя внимания с непременным разговором, ласки и вискаса с ресторанной подачей.

Вообще-то, этот наглец вполне самостоятелен и в дни моего отсутствия успешно добывает себе пропитание охотой на мышей вблизи избы или на птичек в лиственной зелёнке. Однако в период совместного проживания он шикует – лакомится вискасом из банок, причем с чередованием сортов. Кошачий корм в таёжном поселке, естественно, никто не покупает, и мне приходится заказывать его отдельно и в приличных объёмах.

– Что у нас интересного по телевизору, брат шерстяной? – без особых надежд на новости спросил я, глянув в окно.

– Мр-рак! – тут же посетовал Федя.

– Ясно, опять фильм о тайге, да… – хмыкнул я, засовывая ноги в толстые и тёплые войлочные тапочки.

Есть несколько важных обстоятельств, которые в сложившемся укладе нравятся мне больше всего, и эти классные тапки входят в перечень. Широкая металлическая кровать с панцирной сеткой, сделанная, судя по всему, ещё в шестидесятых годах прошлого века, тоже в списке. Сетка до сих пор целая, хоть прыгай на ней по-детски, но мы с котом её бережём.

Перечень ништяков дополняет огромная русская печь, которую я почему-то до сих немного побаиваюсь, настолько она самодостаточна в своём величии. Даже в самые сильные февральские морозы прошедшей зимы я не почивал на горячей каменной лежанке, а вот кота с неё было не выгнать. В печи имеется многочисленные полочки и ниши для хранения посуды и различной утвари, до сих пор полностью не заполненные. Хотя парочка классических чугунных горшков всё же куплена. Редко я её затапливаю, это случается при выпечке хлебобулочных изделий, и сразу скажу – ремесло пекаря оказалось не самым простым делом. В тёплые дни частенько предпочитаю готовить на уличной жаровне, много ли холостяку нужно? Использую и мультитопливную горелку.

– Кофе хоть сварил? – я скосил глаза на приятеля, ложкой вываливая в большую миску «подушечки с гусиной печенью и сливочным вкусом». Хорошо бы производителям кошачьего корма называть свою продукцию как-то поскромней, что ли. А то этот усатый, видите ли, жрёт «кусочки телятины в белом соусе», – мне же приходится рубать тривиальную гречу с консервированными сосисками.

– Ну и шуточки у тебя, Никитос! – сказали добрые кошачьи глаза.

Что же, тогда возьмём большой зелёный термос, напиток там ещё горяч, самой правильной для прохладного утра температуры. А на улице не жарко, солнца нет. И это очень хорошо, не люблю жару.

В этом капитальном доме из толстенных сосновых стволов, рубленых в лапу, есть очень просторные сени и три комнаты: огромная горница-светлица, которую я по-городскому упрямо называю залом, и два помещения поменьше. Их я не использую в качестве жилых, предпочитая обитать здесь, в зале, где всё красиво и в любой день уютно. В одной из комнат устроил чистую кладовую. Вторая меблирована, там имеется высокий платяной шкаф и письменный стол у окна, два мягких стула и диван-кровать. Сам не знаю, зачем мне эта комната нужна в таком виде, неужели подсознательно жду гостей, которые могут остановиться на ночь? Странно. Не жду.

Спутниковой антенны у меня нет, как и телевизора. Есть хороший рабочий ноутбук, на котором я набиваю тексты. Изредка оживает радиостанция на столе, с помощью которой можно поймать на средних частотах что-нибудь китайское, передатчик посёлка здесь не ловится. Для электрической повседневности обычно хватает двух солнечных панелей на крыше, бензиновый генератор работой не перегружен.

Окна дома выходят на три стороны света. То, что врезано в торцовую стену сруба, глядит на юг и реку Таймуру. Окно нависает над крутым скальным обрывом, и подобраться к нему в принципе невозможно, ни сбоку, ни снизу. Именно поэтому я никогда не закрываю его тяжёлыми ставням, которые здесь анкерами притягиваются сквозь стену. Вернувшись полтора месяца назад из Каменных Крестов, я обнаружил, что стекла именно этого окошка, как и ожидалось, вынесло к чертям собачьи взрывной волной. Кот, встретив меня возмущенными воплями, потом долго ходил рядом, весьма эмоционально выкладывал свидетельства о чрезвычайном происшествии, рассказывая, чего он тут, несчастный, натерпелся без хозяина. Усатый постоянно ворчал и показывал толстой лапой на крупные треугольные осколки стекла, густо усеявшие пол.

Большие сени, которые я не менее упрямо называю прихожей, имеют два выхода. Главный из них ведет на большое крыльцо под козырьком. Если в тайге может быть парадное, то это оно.

Вторая дверь выходит на закрытый двор хозяйства северного типа, замечательная это вещь, скажу я вам! Зимой в просторном крытом дворе можно жить и делать многие дела, не выходя на улицу в сильные морозы или в пургу. Здесь, перед двустворчатыми распашными воротами стоит «Монстр», а за ним организовано нечто вроде мастерской: верстак, стеллажи, утварь, бензогенератор… Вдоль длинной стены двора радует глаз большущая дровянка с запасом сухих поленьев. Отсюда можно попасть в небольшой амбар напротив, также забранный под единую крышу, и где в помещении с отдельными воротами до ноября спит мой снегоход «Yamaha Viking 540», настоящая легенда среди охотников. Транспорт надежный и проходимый, как танк Т-34, прёт даже с прицепом массой до полутонны, а без него вообще летит. Двигатель обеспечивает высокий момент уже на низких оборотах, вместе с тем экономичен. Снегоход хорошо тянет по глубокому или рыхлому снегу. Кстати, подвесной мотор на лодке у меня тоже ямаховский.

Со двора можно спуститься в ледник – что вроде погреба, устроенного в скальной впадине, заполненной льдом, который для теплоизоляции укрыт опилками и сеном. Там у меня продукты. У кота для проникновения в дом есть свои ходы.

Ружьё классически висит на стене. На грубом кованом гвозде. Спустя одну зимовку и два летних месяца я понял, что с выбором оружия несколько погорячился. Дриллинг, то есть «тройник», изначально разрабатывался как универсальное оружие пеших прогулок сытых помещиков по своим угодьям, когда не знаешь, кого встретишь через минуту – оленя или глухаря. Это элитное оружие, требующее соответствующих условий, практики применения и адекватного ухода. Реалии таковы, что тройник в России служит больше маркером социального статуса и материального благополучия, чем идеальным, для определённых условий, охотничьим оружием. Однако таёжные охоты, целевые или попутные, требуют специализированного ствола – это факт.

Универсальность всегда требует жертв. «Зауэр» действительно тяжеловат. Я даже пробовал охотиться с ним без оптики, благо на нём стоит подъёмный целик на сотню метров для нарезного ствола. Он подпружинен и фиксируется в поднятом положении лишь при взведённом курке нижнего нарезного. Вот только выяснилось, что нарезной ствол, в общем-то, мне пока что не пригодился. Лоси и медведи могут спать спокойно. В погребе лежат набитые по весне гуси, есть и глухари, а зайца не ем в принципе, лишь изредка подстреливая ушастых для

полноценности кошачьего питания. Гораздо чаще занимаюсь рыбалкой, нежели охотой, а брать такой ствол в лодку не совсем сподручно. А если случайно утопишь? Жить совсем без ружья?

Сейчас бы я без ценных дружеских советов приобрёл два отдельных ствола: какой-нибудь итальянский полуавтомат двенадцатого калибра и калашоид в калибре 7,62×39. Один кинул в лодку на выходе, второй остался дома. В зависимости от целей поездки.

Вычищенный пистолет со стёртыми отпечатками надёжно припрятан в тайнике крытого двора. Будто я и не знаю, кто его там спрятал… «Токарев» – оружие хорошо известное, обросшее множеством легенд. Бешеная популярность пистолета в криминальных кругах лихих девяностых объяснялась массовостью его производства, наклепали почти два миллиона единиц, и множество стволов попросту не внесли в пулегильзотеку. Оперативники тратили массу времени, пытаясь понять, откуда именно появлялся тот или иной ствол, но в большинстве случаев попытки выяснить историю каждого отдельно взятого пистолета оказывались безрезультатными. Те времена стали рекордными по количеству бесхозных «токаревых». А эхо доносится по сей день.

Пистолет плоский и довольно компактный, что удобно при скрытом ношении. Ствол обеспечивает неплохую точность стрельбы, у оружия короткий лёгкий спуск. У этого пистолета нет предохранителя, как отдельной детали, то есть на предохранитель ТТ можно было поставить только посредством курка, поставив его на предохранительный взвод, не доводя до боевого. Такая система обеспечивает безопасность в случае падения или случайного удара по курку. Однако владельцы частенько предохранительный взвод игнорировали, от чего происходило множество несчастных случаев. Я решил, что во время эксплуатации пистолета патрон в патроннике лучше не держать.

ТТ нужно было опробовать, пострелял. Конечно, хорошо бы поработать в несколько серий, суммарно патронов так на сто, однако, имея всего три полных магазина и, соответственно, двадцать четыре патрона, в стрелковой практике я был сильно ограничен. Сжёг по мишени пять маслят и на этом успокоился, рассчитывая позже пополнить боеприпас через Гумоза.

Теперь немного о том, что такое зимовье Глухари и при каких обстоятельствах оно мне досталось. Многих людей манит романтика таёжных избушек, стоящих в удалении от больших городов, соблазнительный вид заснеженного домика, выглядывающего из стены сосен или могучих кедров, да с горами или озером на заднем плане. Тусклый огонёк керосинки на подоконнике магически действует на многих, как тёплый и уютный образ простой и счастливой жизни в спокойном уединении. Пусть и ненадолго, а всего на пару деньков, но всем рано или поздно захочется пожить в такой избе.

Большинство заядлых таёжных отшельников живут среди ягельных лайд и болотин не потому, что там им нравится абсолютно всё, просто они не нашли себя в городе. Комплексы и серьёзные проблемы, неурядицы и собственный характер, неспособность коммутировать с миром приводят к уходу в глушь, что многим ошибочно покажется актом чистой романтики. Это не так, здесь очень важна усталость от общества потребления. В тайге зуд потребительства утилизируется рыбалкой или охотой, человек как бы делом занят. Что же касается людей творческих… Даже талантливые поэты и художники, декларативно уезжающие якобы для просушки мозгов морозить сопли в таёжную глубинку, просто-напросто не имеют в этот период сил и способов приспособиться к полноценной общественной жизни. А все разговоры о сверхплодотворном творчестве в глуши – лукавство и самообман. Скажите, много ли великих произведений создано в скиту? И мне обманываться не стоит, рассчитывая, что вернусь в мир с нетленкой. Не в ней дело, а во мне самом.

Я не собираюсь составлять подробные инструкции и прописывать весь порядок действий человека, решившего по тем или иным причинам свалить от цивилизации и начать жить в

таёжной или другой глухомани, уйти в религиозное отшельничество или же просто стать социальным дауншифтером. Всё равно придётся набивать свои шишки и мозоли. Замечу лишь, что для того, чтобы автономная жизнь не превратилась в медленное самоубийство, нужно тщательно подготовиться. Для начала надо определиться с конкретным регионом, выбрать примерные места дислокации, из опыта – их должно быть не менее пяти. Сейчас, когда есть интернет, выбор существенно упрощается. Затем следует посмотреть все варианты на земле, понять и почувствовать, что они из себя представляют. Людей послушать. Потом нужно подождать – не перегорит ли? И только после перерыва начинать планировать порядок действий, всегда ожидая какой-нибудь неожиданности. Я, например, выбрал пять отличных, как мне казалось, мест, а поселился в шестом.

У каждой таёжной избы есть свой хозяин, следящий за сохранностью, поддерживающий её в пригодном для проживания состоянии. В принципе, построить зимовье в тайге может любой желающий, но для этого лучше бы договориться с лесниками, законно выписать лес для строительства, либо же привезти свои стройматериалы. В противном случае зимовье могут сжечь. Но только не здесь, тут избы сжигать некому, Эвенкия регион с рекордно минимальной плотностью населения.

Тем не менее на этой красивой поляне люди жили с давних времён, я уверен, что некогда здесь стояло промысловое зимовье, позже разобранное. Уж слишком удобное место. Однако именно это отличное здание выстроено совсем недавно. Его появление связано с деятельностью официальной структуры.

В областях-губерниях средней полосы России термины «заимка» и «зимовье» частенько путаются, а ещё чаще считаются тождественными. В наше время основным стал первый термин, пришедший на смену изрядно поднадоевшим «бунгало» и «фазендам». Заимкой ныне называют любой дом в пригороде, пусть даже и обычную дачу, если она стоит в лесу или посреди рощи, то есть в окружении уцелевшей природы.

На Енисее эти понятия с давних времён имели своё строгое значение. Изначально русские люди, пришедшие на территорию, как известно, с севера, основывали исключительно промысловые зимовья, позже начав строить деревни и своеобразные таёжные хутора – название пытались привнести в местный лексикон новые переселенцы с юга России. Появившийся хуторской дух, когда одна семья или несколько, по тем или иным причинам не желающие жить в деревне, основывали идеологически хуторское хозяйство, порождая феномен уже вторичного локально-коллективного ухода из небольшого, в общем-то, деревенского сообщества. Так классические хутора нашли своё место в Сибири, превратившись в заимки – люди свободно занимали место в огромной тайге. Южное слово не прижилось. Правда, сейчас заимкой могут обозначать любой маленький домик на отшибе, даже халупу или балаган из жердей, обитаемый лишь кратковременно.

Итак, на заимке может проживать не одна семья, а целый род или несколько близких по интересам, там довольно много строений, а жители, кроме традиционных таёжных промыслов, занимаются и сельским хозяйством.

Кроме того, по всей енисейской тайге разбросаны так называемые зимовья, обитаемые постоянно; подобные зимовья отличаются от деревень или заимок тем, что расположены они обыкновенно в местах труднодоступных, в глуши, где условия неудобны для занятия сельским хозяйством. Единственным средством существования их обитателей служат промыслы: пушной и прочий охотничий, рыболовство и сбор дикоросов – грибов, трав, кедрового ореха. Когда-то у хозяев зимовий имелись ещё и давно исчезнувшие доходы с проходящих приисковых рабочих, которым встреченное жильё обеспечивало комфортную остановку в пути, и скупка пушнины у малочисленных народов. Отчасти эту потерю компенсирует всё чаще появляющийся функционал хранителя-смотрителя частной турбазы.

Моё пристанище, зимовье Глухари, это несостоявшаяся одноимённая биостанция, которую я очень удачно выкупил при распродаже лишнего имущества заповедника, который попытался разрастись, да не вышло.

Государственный природный заповедник «Тунгусский» создан для изучения всё ещё не расшифрованного природного явления, случившегося 30 июня 1908 года, когда в междуречье Подкаменной Тунгуски и её правого притока Чуни произошёл сверхмощный, в десятки мегатонн, взрыв космического объекта неустановленной природы. Расположен он в южной части Эвенкийского района, подчинён Министерству природных ресурсов. Центральная усадьба заповедника находится в посёлке Ванавара. Юго-восточная граница заповедника находится в тридцати километрах от посёлка, а самая удалённая – в сотне.

Идея сохранения района Тунгусского феномена для будущих поколений принадлежит лично знаменитому профессору Л. А. Кулику, а острая необходимость создания заповедной зоны стала особенно очевидной в начале семидесятых. В те времена уже возникла реальная угроза нарушения местных биоценозов из-за широкомасштабных геологоразведочных работ, поисков нефти и газа и неограниченного туризма энтузиастов всех мастей. Эта тайна Земли и Космоса уже давно притягивает к себе тех, кто едет, идёт, бредёт в этот комариный уголок в надежде её разгадать.

Территория заповедника подразделена на две части. Первая – главный полигон изучения экологических последствий Тунгусского метеорита, земли, подвергшиеся в 1908 году непосредственному воздействию факторов тунгусского взрыва: ударной волны, излучения и последующего пожара. Другая часть территории прямому воздействию не подвергалась и является эталонным районом, контрольным по отношению к первой зоне.

Это единственный на земном шаре район, дающий возможность непосредственного изучения экологических последствий космических катастроф. Здесь постоянно работает Комплексная экспедиция по изучению Тунгусского метеорита, сформированная на базе Томского университета и институтов Сибирского отделения РАН. Летом территория заповедника патрулируется на моторных лодках по рекам Подкаменная Тунгуска и Чамба, зимой – на снегоходах, а на самых удалённых кордонах инспекторы несут службу вахтовым методом. Работает народ. Тем не менее природа Тунгусского феномена остается до настоящего времени невыясненной, эвенкийская тайга тщательно хранит свою космическую тайну.

И вот теперь к ней прибавилась ещё одна.

Попасть в зимовье можно двумя путями: на лодке по петляющей реке и по длиннющей просеке, прорезавшей могучий сосновый бор и тёмнохвойный лес. Просека начинается от грунтовой магистрали золотопромышленников и заканчивается у берега Таймуры. Этот ровный, словно разрез, шрам на теле эвенкийской тайги оставили лесозаготовители. По просеке ценный лес браконьеры возили к реке, где сбрасывали его в воду, отправляя молевым сплавом. Уверен, что к окончанию работы на опустошённом участке варвары снесли бы бензопилами и чудесный бор по соседству со мной. Слава богу, что у них ничего не получилось, контора лопнула. Место комплектации плотов сейчас никакого интереса не представляет, нет там уже ни строений, ни пристани. В определённом месте от просеки отделяется ещё одна, короткая. Она гораздо уже, такую вполне можно и не заметить, если не следить. Эта бывшая охотничья тропка и есть дорога к дому.

Зелёная поляна, на которой стоит Форт-Глухарь, не очень большая, по моим прикидкам, примерно шестьдесят на восемьдесят метров. В центре когда-то была импровизированная вертолётная площадка, позволяющая при необходимости быстро доставить нужные грузы и важных визитёров. Ближе к дальнем краю и к Таймуре тесной группой растут невысокие лиственные деревья, среди которых выделяются семь красивых высоких берез. С той стороны вдоль берега не пройти, ни проехать, обрыв украшен стеной высоких деревьев. С востока же проход

есть. Сразу за домом вдоль берега идет узкая полоска, где вполне можно с удовольствием прогуляться пешком. Но с техникой и там не протиснуться, даже квадроцикл не пройдёт.

Площадка перед домом ровная, чистая, словно за ней постоянно ухаживает садовник. Заготовкой топлива я не занимаюсь, окрестный лес топором и бензопилой не пугаю, так что обижаться ему на меня не за что. В своё время купил бортовой КамАЗ отличных дров, для разгрузки и укладки которых привлек парочку колоритных безденежных мужичков рода «бич», именно тогда мы и познакомились с Гумозом, старшим этой специфической оперативной бригады подхвата.

Наискосок от входа в тесном ряду сосен, елей и пихт виднеется тёмная щель въезда. Приехать сюда на автомашине не так просто, как может показаться. Шлагбаум из стальной трёхдюймовой трубы, доставшийся мне в наследство, как часть имущества биостанции, я использую и держу его в настороженном состоянии, то есть закрытым на амбарный замок. Приехал – жми сигнал, будь добр, впущу. Хотя никто не приезжает. После происшествия на Людоеде я с определённой тревогой ждал визита участкового, однако мои опасения оказались напрасными, в деле расследования отшельник ему оказался не нужен.

Свободным вечером я люблю спокойно посидеть на этой замечательной полянке с кружкой горячего кофе, удобно устроившись в старом кресле так, чтобы видеть реку, по которой почти никто не плавает. Здесь настоящий Затерянный Мир, профессор Челленджер заплакал бы от умиления. До сих пор так и не определился, нравится мне полное безлюдье или не совсем. Если бы зимовье стояло ниже по течению, то есть за Каменными Крестами, то я мог бы наблюдать медленно проходящие мимо суда – низкие баржи с углём и бойкие катера-буксиры. Здесь же за полтора месяца водную гладь взрезали всего три моторные лодки, из которых я увидеть успел лишь одну. За рекой – бесконечный сеанс кинофильма о сибирской тайге, где самой динамичной серией с уверенностью можно считать отличной операторской работы показ группы светлых скал вдалеке, над которыми регулярно кружит пара орлов. Гнездо у них там.

Хорошо на берегу! Душа отдыхает. Однако ближе к ночи я убираю кресло под козырек крыльца, потому что в темноте на поляне становится очень неуютно, даже жутковато… Стена деревьев словно начинает постепенно сжиматься, наступать на тебя своим тревожным мраком, пугает, стараясь загнать одинокого человека обратно в избу. Мерещится, что за стволами начинают появляться какие-то высокие размытые фигуры, сначала застывшие, а затем начинающие двигаться от дерева к дереву – странная игра света и тени. Иногда и хрустнет что-то, да так громко, словно выстрел грянул, и тогда вообще жуть!

Федор, конечно, исправно мониторит происходящее вокруг, если находится рядом. Мешает качественному мониторингу то, что мой котяра по определению ночной хищник. Услышав интересующий его звук, он сразу спрыгивает с колен и, низко пригнувшись в траве, быстро удаляется на охоту. Я даже понять не могу в сумерках, куда именно он дёрнул, а по возвращению эта шерстяная эгоистичная сволочь ничего о своих похождениях не рассказывает. Мои же страхи, тревожащие звуки и образы Федьку ничуть не волнуют. Заметив сосредоточенный, напряжённой взгляд человека, он может из компанейских соображений уставиться по направлению, после чего презрительно чихнуть и начать зевать, показывая, что хозяин слеп, глух, а нос у него отрезан.

В такие минуты я в очередной раз вспоминаю, что хотел завести сторожевую собаку. Вот она бы как загавкала… У меня никогда в жизни не было собаки, опыт нулевой. Пожалуй, только это и сдерживает. Дурь, конечно. Скорей всего, я просто боюсь ответственности за того, кого могу случайно приручить. Сюда ещё ни разу не заходил крупный хищник, ни волка не видел, ни медведя, как и их следов. Не интересен им тёмный бор и большой дом на скале. А вот росомаха объявлялась.

В общем, ночью я на берегу долго не засиживаюсь. Зябко мне, во всех смыслах.

В хмурые ненастные дни запираюсь на мощный старинный засов и начинаю с упоением работать над текстом, расценивая соответствующее погоде настроение, как самое подходящее для создания наиболее страшных сцен, трогающих внутренности за живое. Пишу себе, будучи в полной защищённости и злорадно представляя, как все эти мистические хранители леса, не мигая, алчно смотрят на мерцающий в окне жёлтый огонёк и ждут, когда я сдуру выйду наружу. Хрен вам, клятые лешаки, не выйду! У меня в крытом дворе даже запасной гальюн имеется. Не дождётесь, ироды!

Довольно много времени в моей отшельнической жизни занимает рыбалка. Я не фанат нахлыста, не спортсмен-трофейщик, и в рыболовном деле скромно определяю себя, как крепкого любителя. Тем более что очень уважаю северную рыбу в любом виде и способе употребления. Рыбные блюда на столе одинокого писателя-почвенника появляются, пожалуй, чаще, чем мясные. Рыбалка для меня гораздо важнее охоты, ей я готов посвятить много сил, времени и средств. Поэтому вопрос правильно выбранного водномоторного средства был очень важным.

Для начала перебрал стандартные для бассейна Енисея варианты: «казанки» всех типов и «обушки», «сарепты» и даже древние «прогрессы», но быстро понял, что со старьем я не хочу связываться и в этом деле. Убиты практически все лодки. Большой и основательный «Салют», которых становится всё больше и больше, мне определёно был по душе. Вместе с этим я хорошо понимал, что в одиночку ворочать тяжёлую мотолодку будет не всегда с руки. После прикидок решил уже купить что-то современное да импортное, чего изначально не собирался делать, уже понимая: лишний раз высовываться с необычным и приметным не нужно. Не любят в этих краях выскочек. Меня в посёлке и так только к весне начали воспринимать, как человека, пусть и чудаковатого, но в чём-то уже своего. Дорожить надо таким званием, ведь сейчас и я могу сказать: «Мне здесь жить».

Но альтернативный вариант плавсредства не придумывался.

Так я и рефлексировал, пока коллеги-рыбаки не посоветовали обратить внимание на длинные остроносые деревянные лодки-илимки, которыми пользовались некоторые из крестовских. Илимка – это большая этническая лодка народа кето, судно длиной до пятнадцати метров, некогда с обязательным крытым помещением на корме или по миделю. Этот тип лодки был распространён не у всех кетов, а у тех, что жили на реках Подкаменная Тунгуска и Елогуй, пользуясь во время летних кочевок преимущественно водными путями. Лодочное жилище они сооружали шалашом в форме рассеченного цилиндра. Конструкция несложная: прочный каркас из черемуховых прутьев да брезентовый или кожаный тент в качестве крыши от ненастья. Сами кеты свои лодки называют очень красиво – асель. А общепринятое название было дано местным русским населением, как производное от слова илым – волочить, тянуть волоком. Со временем лодки-илимки распространились по всему Енисею, где их могут называть «деревяшками» или «душегубками».

Что сказать, я скептически отреагировал на такое предложение и ворчал до того момента, пока сам не оказался пассажиром одной из илимок. Вот тут и начал быстро понимать все преимущества илимки! Две поездки по Таймуре с владельцем-инструктором, затем одна самостоятельная, и окончательное решение было принято: мне нужна асель!

Ура? Не тут-то было, на этом мытарства не закончились. Тяжелое цивилизационное прошлое, чугунной печатью придавливающее нас к мягким городским диванам, призывало меня искать как можно большего комфорта и некой современности. «А не поискать ли такую же, но с перламутровыми пуговицами?» – свербило в голове. И я, вопреки известной народной мудрости «От добра добра не ищут», принялся искать «илимку наших дней», некое технологичное изделие по образу и подобию, сделанное из легкого пластика. Нашел в нижнем Поволжье, списавшись с двумя фирмочками, имеющими свои сайты, вскоре получив от них коммерческое предложение, наборы характеристик и фотографий. Там все было прекрасно.

Однако жизнь быстро внесла суровые коррективы. Работать заочно с людьми, имеющими специфическое южное отношение к бизнесу, было очень тяжело. Складывалось впечатление, что горе-предприниматели, заполучив клиента, на том и успокоились, дальнейший процесс становился им не интересен. Все шло вяло. Я долго не мог добиться корректного прайса и сроков выполнения, зато, раз в неделю получая ответ, постоянно изучал невнятное письменное мычание о том, что работа по изготовлению начнётся только после полной предоплаты, что никак не исключает дополнительных затрат на творчество и технической внезапности. В общем, сплошная муть и туман.

В отчаянии я опустил загребущие руки и уже решил всё-таки взять стильную брендовую «финку», да помог счастливый случай – о моих воднотранспортных нуждах узнала соседка по площадке моего дома в Крестах, замечательная во всех отношениях молодая одинокая женщина. Она-то и свела меня со своей знакомой вдовушкой, у которой после безвременной кончины супруга осталась ненужная ей «отличная лодка». Когда мы втроём с трудом распахнули скрипящие двери большого амбара, собранного из посеревших от морозов и ветров сосновых досок, я буквально обмер от восторга, а потом экстатически задышал.

На крепких опорах вздёрнутым носом к воротам стояла практически новая илимка! Как на выставке-продаже! Не битая, не крашеная, без посредников и почти без пробега. С ценой никаких вопросов и задержек не возникло, заплатил я владелице сразу, наличными и очень хорошо. После чего, подло позабыв о собиравшихся отпраздновать удачную сделку молодых женщинах, я утащил восьмиметровую узконосую красавицу в одну из поселковых мастерских, где судно поставили в стойло, полностью обиходили и доработали. Корпус тщательно проверили, герметизировали и покрыли тремя слоями хорошей современной краски темно-зелёного цвета, без ненужных художественных фантазий. Скромно, стильно, этнографично. Мотор надежно вставал на транец, городить выносное управление я не стал, решив, что прекрасно устроюсь у румпеля.

Лодку, кстати, всё-таки обмыли, тем же днём. Замечательный вышел вечерок, да… Я, обнаружив, что в доме внезапно закончился сахар, всё-таки заглянул к соседке и влип в стремительную сексуальную историю, но об этом как-нибудь в другой раз.

Многие ездят на илимках с гениальным изобретением кетов, чаще всего такой домик находится на корме, где он сложен в виде слоёной брезентовой крыши, которую при дождливой погоде можно раскинуть по бокам. Мой шатер лежит в сложенном виде: связка тонких дюралевых трубок и пошитый из синтетики лёгкий тент. Ставить его – от силы десять минут работы одному. После сборки и закрепления конструкции на бортах получается настоящая каркасная палатка двухметровой длины, в которой запросто можно при необходимости провести ночь в любом удобном для лодки месте, не теряя времени на обустройстве берегового лагеря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.